

HISTORIA ROSSICA

ПРОЖЕКТЕРЫ

ПОЛИТИКА ШКОЛЬНЫХ
РЕФОРМ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII ВЕКА

Коллектив авторов
Прожектеры: политика
школьных реформ в России в
первой половине XVIII века
Серия «Historia Rossica»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63078042

*Прожектеры Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века: Новое литературное обозрение; Москва; 2020
ISBN 9785444814260*

Аннотация

Подобно военному кораблю или шеренге вымуштрованной пехоты, новая светская и «регулярная» школа стала символом петровского царствования. Принято считать, что образовательные новации стали результатом личных усилий самого Петра и отражали объективные потребности государства в кадрах для новой бюрократии и регулярной армии. Монография Игоря Федюкина, однако, выявляет ключевую роль разнообразных «прожектеров» в появлении новых школ в России первой половины XVIII века. Автор показывает, как возникновение и развитие училищ отражали усилия «административных предпринимателей», стремившихся к продвижению своей карьеры, расширению клиентской сети,

упрочению придворных позиций или реализации своей идейной повестки. Именно из таких индивидуальных «прожекторов» и складывался фасад петровского «регулярного» государства. Игорь Федюкин – директор Центра истории России Нового времени НИУ ВШЭ. Igor Fedyukin THE ENTERPRISERS: THE POLITICS OF SCHOOL IN EARLY MODERN RUSSIA, FIRST EDITION

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	12
Глава 1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Игорь Федюкин Прожекторы Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Работа над этой книгой продолжалась долго – слишком долго – и в процессе этой работы я накопил длинный список неоплатных долгов. Мой самый давний долг – А. Б. Каменскому и А. Л. Зорину, которым я обязан моим интересом к изучению России XVIII столетия и которым я глубоко благодарен за научное и житейское руководство на протяжении вот уже четверти века.

В основу этой книги легла диссертация, подготовленная в Университете Северной Каролины, и я признателен моим многочисленным коллегам и друзьям по департаменту истории и аспирантской программе по истории России за поддержку с их стороны. Среди замечательных профессоров, с

которыми мне довелось встретиться в Чепел Хилле, я хотел бы отдельно упомянуть Дж. Смита. Его работа, посвященная зарождению меритократических идей во Франции в начале XVIII века, повлияла на меня сильнее, пожалуй, любой другой книги, прочитанной мною за время обучения в аспирантуре, а принципиальная позиция, которую он занял по вопросу об академической коррупции в Университете Северной Каролины, остается образцом для подражания. Завершение работы над диссертацией стало возможно благодаря поддержке С. М. Гуриева, который пригласил меня работать в РЭШ, а позднее предоставил мне творческий отпуск, позволивший дописать диссертацию и защитить ее.

За возможность переработать диссертацию в книгу я глубоко признателен Я. И. Кузьминову, пригласившему меня в 2013 году присоединиться к коллективу Высшей школы экономики. М. М. Юдкевич на протяжении всех этих лет относилась к моим разнообразным прожекам с неизменной благожелательностью. Я благодарен мои коллегам по Школе исторических наук НИУ ВШЭ и моим товарищам по Центру истории России Нового времени, в особенности И. А. Христофорову, М. Б. Лавринович и Е. С. Корчминой, которые на протяжении всех этих лет были всегда готовы поддержать, помочь, покритиковать и поделиться идеями. Отдельно хотелось бы высказать признательность за всегдашнюю поддержку научному руководителю Центра А. О. Чубарьяну. Н. Ф. Немцева оказала неоценимую помощь в подго-

товке рукописи к печати.

Разумеется, книга не могла бы состояться, если бы не неизменно профессиональная и доброжелательная поддержка со стороны уважаемых коллег – сотрудников Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота, других архивов и библиотек, в которых мне довелось работать. Эрнст Петрич и Лена Аннимер крайне любезно предоставили мне копии архивных документов из OeStA/HHStA в Вене и Riksarkivet в Стокгольме, соответственно. Я глубоко признателен О. Г. Промптовой, которая согласилась помочь с получением необходимого мне изобразительного материала из Черногории.

Я глубоко благодарен за поддержку друзьям и коллегам во Франции. Владимир Берелович, Ален Блюм и Франсуаза Досе неоднократно принимали меня в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы (CERCEC), в том числе как лауреата стипендии Дидро в 2010–2012 годах. Анн Ле Уеру и Марта Кравери на протяжении многих лет оказывали неоценимую поддержку от лица Дома наук о человеке, предоставив возможность провести два месяца в 2015 году в парижских архивах и библиотеках в качестве приглашенного исследователя. Сотрудница секретариата Дома наук о человеке Соня Кольпар до своего выхода на пенсию неизменно была самым настоящим ангелом-хранителем российских

гуманитариев, приезжавших с исследовательскими целями в Париж.

На завершающей стадии работы над рукописью мне посчастливилось провести время в качестве приглашенного исследователя в Институте наук о человеке (IWM) в Вене и в Международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне. Я признателен руководству этих организаций, и в особенности Ивану Крастеву в IWM, Мэтью Рожански и Уильяму Померанцу в Центре Вильсона, за возможность отвлечься от текущих дел и сосредоточиться на доработке книги. Среди прочего мое пребывание в Центре Вильсона позволило мне представить отдельные главы этой работы в целом ряде американских университетов. Рад, что выход этой книги на русском языке дает мне возможность еще раз выразить благодарность многочисленным коллегам, принявшим участие в обсуждениях и высказавших ценные замечания, но особенно Майклу Дэвид-Фоксу, Янни Коцонису, Дэвиду Гольдфранку, Екатерине Евтухов, Питеру Холквисту, Ричарду Вортману, Роберту Джераси, Дэвиду Макдоналду, Джону Рэндольфу, Полу Бушковичу, Юрию Слёзкину, Алексею Юрчаку, Скотту Гельбаху и Дейву Дэвидсону, сделавшим эти обсуждения возможными.

Крайне полезной, разумеется, была и возможность представить предварительные результаты моей работы в Европейском университете в Санкт-Петербурге, в РАНХиГС и в Уральском федеральном университете. Особенно я благода-

рен за сотрудничество Д. А. Редину, собравшему вокруг себя блестящую команду историков и превратившему Екатеринбург в один из ведущих мировых центров изучения России XVIII века. О. Е. Кошелева, Никос Криссидис, В. С. Ржеуцкий, Т. В. Костина и А. М. Феофанов любезно и очень щедро делились своими идеями, материалами и (тогда еще) неопубликованными работами. На разных стадиях работы над книгой Бен Эклофф, Гари Маркер, Харли Бальцер и Роб Коллис согласились прочитать фрагменты рукописи и высказали ценные замечания.

В Центрально-Европейском университете мне повезло работать с выдающимся историком Российской империи Альфредом Дж. Рибером, знакомство с работами которого подстегнуло мой интерес к бюрократической политике. Ключевую роль в формировании моего подхода к проблеме институциональных новаций в образовании сыграли работы С. Л. Козлова, а беседы с Сэмом Грином и В. Я. Гельманом помогли мне, хотя бы до некоторой степени, взглянуть на проблему административного предпринимательства сквозь политологические очки. Коллеги из Института образования НИУ ВШЭ, и в особенности И. Д. Фрумин, не давали мне забыть, что изучение истории школ может и должно помогать нам лучше понимать наши сегодняшние споры об образовании – и наоборот. Наконец, было бы странно отрицать, что на мои размышления о прожекторах и прожектерстве сильнейшим образом повлияло общение с выдающимся адми-

нистративными предпринимателями в области образования – С. М. Гуриевым, Д. В. Ливановым, Я. И. Кузьминовым, В. А. Мау, С. Э. Зуевым, О. В. Хархординым, С. М. Реморенко, С. М. Кадочниковым, И. Д. Фруминым, С. В. Салиховым, А. А. Климовым, А. Б. Повалко – и я глубоко благодарен коллегам за полученный опыт.

В завершение остается сказать особые слова благодарности нескольким дорогим друзьям и коллегам. Эрик Зитцер всегда был готов поделиться своими обширными знаниями и яркими идеями. Катя Правилова поддерживала и советовала, когда поддержка и совет были особенно нужны. Трейси Деннисон подталкивала, подбадривала и направляла на протяжении вот уже более чем двух десятков лет. И конечно же, эта книга едва ли состоялась бы без помощи, советов и поддержки со стороны Дона Роли. Хотя формально он и не был моим научным руководителем, он принял меня в ряды своих учеников как лидер аспирантской программы в Университете Северной Каролины и оставался ментором на протяжении последующих двух десятилетий.

Никогда не была бы книга завершена, конечно, и без поддержки Кати и Пети, которые не просто терпели мою привычку допоздна засиживаться за письменным столом, возиться с черновиками рукописи во время каникул и убегать в архив в самые неподходящие моменты, но придавали смысл и значение этой работе.

И наконец, мои заключительные слова благодарности об-

ращены к Дэвиду и Карен Гриффитс. Дэвид и Карен приняли меня в Чепел Хилле осенью 1999 года и поддерживали на протяжении всей моей учебы в аспирантуре. Профессор Гриффитс был не только замечательным знатоком истории России и Европы XVIII века, но и одним из самых щедрых и добрых людей, которых мне доводилось встречать. К сожалению, он не дожил до выхода этой книги: надеюсь, она бы ему понравилась. Его памяти она и посвящена.

* * *

Я глубоко признателен И. Д. Прохоровой и издательству «Новое литературное обозрение» за возможность представить эту книгу российской аудитории. Работа над подготовкой русского издания книги позволила обнаружить и исправить целый ряд досадных оплошностей, вкравшихся, к сожалению, в ее английскую версию; учесть некоторые новые работы по теме, вышедшие за последние два года; а в некоторых случаях и включить кое-какие дополнительные материалы.

Монография подготовлена в результате проведения исследования (проект № 15-01-0148) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 годах и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ВВЕДЕНИЕ

Сильвестра Медведева вывели на эшафот на Красной площади подле Спасских ворот 11 февраля 1691 года. Ученый монах был приговорен к смерти еще за год до того: его обвиняли, ни много ни мало, в намерении извести царя Петра и патриарха Иоакима, посадить на престол царевну Софью, а себе самому присвоить патриаршество. Но казнить Сильвестра правительство Нарышкиных не спешило: от него требовали показаний, которые изобличали бы других предполагаемых сторонников Софьи. Этого, однако, добиться не удалось даже после «истязания его огнем и бичами до пролития крови». Теперь, наконец, мучениям пришел конец: книжнику отрубили голову, а тело похоронили в яме близ Покровского убогого монастыря, вместе с трупами нищих¹.

Среди прочего, Медведев был автором и «Привилегии на Академию», первого в России проекта школьного устава, в самом названии которого заложена отсылка к западноевро-

¹ О Сильвестре см.: *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896; *Козловский И.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895; *Богданов А. П.* Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 233–382; *Панченко А. Н.* Сильвестр // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1993. Т. 3: XVIII век. Ч. 3: П–С. С. 354–361. Цитата см.: *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев. С. 338.

пейским образовательным моделям². Вероятнее всего, монах подготовил «Привилегию» еще в 1681 году, намереваясь представить ее царю Федору Алексеевичу. После смерти Федора Медведев еще раз попытался добиться ее утверждения, на этот раз царевной Софьей, но снова потерпел неудачу. Правительница какое-то время колебалась, но в итоге поручила создание училища недавно прибывшим из Греции братьям Лихудам: судя по всему, это была уступка патриарху в тщетной надежде заручиться его поддержкой в противостоянии с юным Петром и стоящими за ним Нарышкиными³. Такое решение, разумеется, спровоцировало ожесточенную вражду между Медведевым и поддержавшей Лихудов группировкой, вылившуюся в публичный теологический спор с неизбежными в таких случаях взаимными обвинениями в ереси. Пока Софья оставалась у власти, она и ее ближайший приспешник Федор Шакловитый, глава Стрелецкого приказа, защищали Сильвестра от его недругов, в число которых теперь входил и сам патриарх. Но с падением в 1689 году режима Софьи эти связи лишь окончательно обрекли монаха на гибель⁴.

² О «Привилегии» см.: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 190–213. Сам текст опубликован на с. 223–231.

³ *Панченко А. Н.* Сильвестр. С. 356–358.

⁴ *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 214–217. Столкновение между Медведевым и патриархом традиционно описывалось как отражение идеологических разногласий (в первую очередь, между «грекофилами» и сторонниками «латинской» ориентации). Кэти Портер, однако, настаивает, что идеологически

История Сильвестра Медведева поучительна в нескольких отношениях. Наиболее очевидным образом она напоминает нам, что политические столкновения той эпохи сложно описывать как борьбу между «модернизаторами» и «консерваторами». Группировка, которая свергла в 1689 году Софию и привела к власти Петра, включала также и целый ряд изоляционистски настроенных представителей элиты, в том числе и самого патриарха, тогда как на противоположной стороне мы находим таких ведущих «западников», как князь В. В. Голицын и сам Медведев. Скорее, политические альянсы формировались в ту эпоху не на основе идеологий, а по принципу принадлежности к аристократическим кланам и патрон-клиентским сетям. Одновременно этот эпизод показывает, как тесно попытки Медведева основать академию были переплетены с его политическими интригами. Амбиции монаха, его жажда власти и статуса прямо определяли и приемы, с помощью которых он продвигал свой образова-

очерченных противоборствующих группировок не существовало и их описания в историографии являются ретроспективной проекцией более поздних культурных процессов. *Potter C. J. The Russian Church and The Politics of Reform in The Second Half of The Seventeenth Century. PhD diss. Yale University, 1993. P. 384–394.* Среди недавних работ на эту тему см.: *Chrissidis N. A. An Academy at The Courts of The Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb, IL, 2016* (русский перевод: *Хриссидис Н. Академия при царском дворе. М: Новое литературное обозрение. Готовится к печати*). О свержении режима регентства в 1689 году. см.: *Лавров А. С. Регентство царевны Софии Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1869 гг. М.: Археографический центр, 1999. С. 157–190.*

тельный проект, и облик училища, которое он хотел создать.

И в самом деле, в «Привилегии» удивительно мало говорится о содержании и методах преподавания в будущей академии. Вместо этого в документе заложена попытка установить единоличный контроль ректора за любым вообще преподаванием мало-мальски продвинутых предметов во всем Московском государстве. Среди прочего, «Привилегией» запрещается преподавание греческого, польского, латинского и других иностранных языков где бы то ни было, кроме академии, даже в частных домах, без предварительного одобрения со стороны ректора академии. Академия должна была также играть роль своего рода инквизиции, исследуя религиозные воззрения иноземных учителей, намеревавшихся преподавать в России; содержание подозрительных книг; случаи публичного поругания православной веры и церковных традиций и так далее. Более того, согласно тексту «Привилегии», академия, по сути, выводилась из-под власти патриарха – не потому, конечно, что Медведев был ранним сторонником секуляризации образования, но потому что он состоял в конфликте с тогдашним главой церкви. Поэтому в документе также перечисляются и многочисленные монастыри, которые должны были быть переданы, вместе с принадлежащими им вотчинами, на содержание академии. Наконец, в тексте делается и попытка заручиться твердыми гарантиями со стороны монарха, который, утверждая «Привилегию», обязался бы также от своего имени и имени своих наслед-

ников академию «содержати во всякой целости без всякого изменения».

Итак, составленный монахом проект «Привилегии» был направлен, называя вещи своими именами, на монополизацию образовательного поля, устранение конкурентов и присвоение его автором некоторых ресурсов и полномочий. Медведев основывался на более ранних наработках своего бывшего учителя, поэта и придворного проповедника Симеона Полоцкого (1629–1680)⁵, но непосредственно к составлению документа и к попыткам добиться его утверждения монаха подтолкнуло, похоже, прибытие в Москву некоего Яна Белобоцкого, который предлагал здесь свои услуги в качестве преподавателя и потому был воспринят Медведевым как опасный соперник, – а также успех другого конкурента, монаха Тимофея и его Типографской школы. Как замечает по этому поводу Б. Л. Фонкич, «честолюбивые замыслы, ревность и ненависть к возможным противникам своих планов – вот что водило пером Медведева в те месяцы, когда он сочинял „Привилегию на Академию“»⁶.

⁵ *Панченко А. Н.* Симеон Полоцкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева.* СПб., 1993. Т. 3: XVIII век. Ч. 3: П–С. С. 362–379.

⁶ *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 208–211, 214–215. Цитата на с. 215; о школе монаха Тимофея см.: С. 103–173; *Панченко А. Н.* Сильвестр. С. 355–356; *Горфункель А. Х.* Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева.* СПб., 1992. Т. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. С. 128–131.

ШКОЛЫ, КОТОРЫЕ ПОСТРОИЛ ПЕТР?

Судьба Медведева и его попыток добиться утверждения своей «Привилегии» интересна не просто как исторический анекдот: на примере этого эпизода наглядно видно, как вообще происходили институциональные изменения на заре Нового времени. Как показывают многочисленные примеры, разбираемые в этой книге, новые институты не возникали «сами по себе» и не вызывались к жизни ни некоей безличной волной «европеизации», ни потребностями войны и технологического прогресса. Наоборот, возникновение новых институтов и укоренение новых организационных форм следует рассматривать в первую очередь как результат усилий, предпринимавшихся вполне конкретными индивидами и группами для реализации их личных проектов и достижения их собственных целей – карьерных, материальных, идейных, а чаще всего их сочетания. Проекты эти могли быть самого разного характера и масштаба. В некоторых случаях речь шла о создании новых организаций, например, об основании Московского университета (1755) или Горного училища (1773), в других – об изобретении новой правительственной должности; описании новой административной функции; введении нового регламента. В значительной мере рост государства и в России, и в других странах происходил постольку, поскольку он создавал предприимчивым деятелям

благоприятные условия для реализации их инициатив. Проекты, которые они придумывали и воплощали в жизнь, служили теми кирпичиками, из которых на пороге Нового времени складывалось здание «рационального» и «бюрократического» государства.

Данная книга представляет собой попытку изучения этого процесса на примере развития школ в России на ключевом этапе строительства современного государства, при Петре I и его ближайших преемниках. Вообще, основание новых школ, «просвещение» России является и в историографии, и в общественном восприятии важнейшим, знаковым элементом петровского царствования и петровских реформ. Обычно предполагается, что образовательные новации эти были обусловлены практическими, а вернее военными нуждами, поскольку создание новой регулярной армии требовало квалифицированного технического персонала. В более широком смысле новые школы и новые методы обучения рассматриваются как ключевой элемент развернувшегося в России в XVIII веке эксперимента по социальному инжинирингу, попыток создать «нового человека» и новую, «европеизированную» элиту⁷. Наконец, петровская школа воспринимается

⁷ Ключевые работы: *Raeff M. Origins of The Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966; Okenfuss M. J. Technical Training in Russia under Peter The Great // History of Education Quarterly. 1973, Winter. Vol. 13. № 4. P. 325–345; Black J. L. Citizens for The Fatherland: Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. Boulder, CO, 1979; Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des*

ется как предвестник модерных училищ следующего столетия, воплощающих в себе рациональность, маскулинность, дисциплину, имперскость. Подобно военному кораблю или шеренге вымуштрованной пехоты, школа вполне может служить символом петровского режима и его институтов.

И за рассматриваемый период школа в России действительно изменилась до неузнаваемости. В XVII столетии обучение в Московском государстве было основано на неформальных практиках передачи знаний от наставника к ученику⁸. Когда в самом конце века стали появляться первые школы, они описывались, по сути, в ремесленных терминах: «школа» была группой учеников, собирающихся вокруг «мастера» и его «подмастерьев». Мы не находим здесь ни фиксированной программы обучения, ни делопроизводства (помимо самого базового учета расходов), ни попыток формализовать алгоритмы взаимодействия между учителем и его учениками. Однако уже ко времени восшествия на престол Екатерины II в 1762 году Россия могла похвастаться целым набором учебных заведений, которые в организацион-

19. Jahrhunderts: Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004 (русский перевод: *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018); *Бенда В. Н.* Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. СПб., 2008.

⁸ Превосходный анализ историографии по данной работе приводится в работе: *Koshleva O. E.* Education as a Problem in Seventeenth Century Russia // *The State in Early Modern Russia: New Directions* / Ed. P. Bushkovitch. Bloomington, IN., 2019. P. 191–217.

ном отношении не так уж сильно отличались от классических школ XIX века. В этих училищах имелись регламенты и инструкции, где устанавливались, среди прочего, иерархия должностей, функциональное разделение обязанностей; регулировался учебный процесс и повседневное поведение учеников и учителей; вводились формализованные процедуры оценки знаний и поведения. Иначе говоря, мы уже имеем дело с полностью институционализированной школой. Школа эта должна была не только давать знания, но и подталкивать учеников к усвоению предписываемых моделей поведения и мышления, то есть, «воспитывать». Вопрос, на который призвана ответить данная книга, состоит в том, как именно возникали такие школы – и, более широко, новые институты и практики, из которых складывалась инфраструктура ранне-модерного государства вообще.

Сама необходимость задаваться подобным вопросом может показаться неочевидной, поскольку ответ на него вроде бы понятен заранее. Подобно любым другим нововведениям в России в первой половине XVIII столетия, новые школы обычно описываются как результат титанических усилий самого вездесущего царя-реформатора. Классические тексты и отечественных историков, и зарубежных почитателей часто представляли Петра I как настоящего Прометея, для которого прогресс и «европеизация» оказываются непреодолимой внутренней потребностью. В работах последнего времени подход царя к нововведениям, в том числе и в об-

разовании, описывается более осторожно, подчеркиваются его прагматизм, непоследовательность, даже оппортунизм; он может представлять как реформатор без стратегии, реформатор, которым движут весьма приземленные, практические соображения – но все равно ключевым двигателем реформ является именно он. В частности, говоря о школах, мы по-прежнему считаем, что, в отличие от Западной Европы, где «образовательные теории и школы разного рода появлялись обычно как результат индивидуального экспериментирования», в России «серьезные инициативы в образовании были делом рук императора, и только императора»⁹. Разумеется, не приходится отрицать, что Петр I и в самом деле лично инициировал множество изменений и играл определяющую роль в создании целого ряда новых институций. Царь мог не покладая рук работать над важными для него проектами, часами и сутками напролет редактируя черновики Устава морского или коллежских регламентов¹⁰. Однако Пол Бушкович совершенно справедливо предостерегает нас от восприятия

⁹ *Black J. L. Citizens for The Fatherland. P. 3.* Совсем недавно эта парадигма была вновь – и с обескураживающей прямолинейностью – воспроизведена в: *Любжин А. И. История русской школы. Русская школа XVIII столетия. Т. 1. М., 2014.*

¹⁰ См., например: *Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 152–154;* и, конечно же: *Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, донесения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. 1;* *Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017.*

Петра как «некоего Deus ex machina, словно по мановению волшебной палочки творящего изменения в обществе как в безвоздушном пространстве»¹¹.

По крайней мере применительно к школам миф о Петре-демиурге, как я надеюсь показать ниже, плохо согласуется с источниками. При ближайшем рассмотрении оказывается, что сам Петр I не написал ни одного мало-мальски развернутого текста об образовании; те тексты, которые мы имеем в нашем распоряжении, представляют собой записки в несколько строчек, написанных петровским фирменным трудночитаемым почерком. Взгляды и представления царя по данному вопросу мы вынуждены реконструировать на основании именно таких записочек – или на основании официальных указов, которые могли быть основаны на данных им устных распоряжениях. При этом сам факт таких разговоров зачастую постулируется без всякого подтверждения источниками: исследователи полагают априори, что государь не мог не иметь со своими соратниками бесед, в ходе которых якобы и были сформулированы соответствующие идеи. Если же строго придерживаться источников, то окажется, что хотя Петр всячески настаивал на необходимости «учить» под-

¹¹ *Bushkovitch P. Peter The Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001. P. 3.* Обращаясь к более раннему периоду, М. М. Кром также призывает нас «отрешиться от мысли, будто при самодержавном строе любой правительственный шаг предпринимался по воле царствующего монарха» (*Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 610*).

данных, он практически никогда не объяснял, что же конкретно это может означать. Приходится признать, что между его короткими, крайне расплывчатыми призывами к учению и конкретными организационными действиями в области образования лежала дистанция огромного размера. Его сотрудники должны были заполнять эту дистанцию в меру собственного разума, тем способом, который был наиболее удобным и выигрышным для них самих.

Далее, говоря о петровских образовательных нововведениях, недостаточно, конечно, просто указывать на заимствования из западноевропейского опыта, поскольку на начало XVIII века и в самой Западной Европе не сложилось еще устоявшихся, привычных нам сегодня форм школьной подготовки чиновников и офицеров для зарождающегося «регулярного» государства. Да и в практическом смысле институционализированные школы не были, строго говоря, необходимы для подготовки профессиональных моряков или военных: не случайно опытные специалисты, бывалые генералы и адмиралы, никогда и не были активными сторонниками создания школ. Обычно они, наоборот, считали гораздо более важной и полезной подготовку кадров через практику. Вобан, величайший военный инженер той эпохи, так высказывался о выпускниках кадетских рот, основанных во Франции Кольбером: «Они не приносят службе никакой пользы, они ничего не видели, ни в чем не разбираются, и не думают ни о чем кроме фехтования, танцев и драк». В созданной са-

мим Вобаном инженерной службе французской армии, *corps du génie*, молодые люди обучались не в школе, а на практике, чертя планы крепостей и укреплений¹². Характерно, что фельдмаршал фон Миних, основатель Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в России, сам в школе никогда не учился. Однако познаний, которые он приобрел, читая книги и наблюдая за инженерными работами в своем родном Ольденбурге и в Дании, где служил его отец, Миниху хватило, чтобы произвести благоприятное впечатление на Петра и успешно довести до конца строительство Ладожского канала¹³.

Представлять возникновение школ в России в начале XVIII века просто как импорт организационных форм было бы поэтому неверно: в действительности школы эти изобретались вполне конкретными акторами, действующими в собственных интересах и конкурирующими между собой в конкретных условиях петровской и послепетровской монархии. Отталкиваясь от различных западноевропейских образцов, они создавали новые образовательные модели, отражавшие их собственные политические цели, включая и стремление позиционировать себя тем или иным образом или присвоить тех или иные ресурсы. В этой книге делается попытка выявить и изучить таких игроков, понять методы, которы-

¹² Artz F. B. The Development of Technical Education in France, 1500–1850. Cambridge, MA, 1966. P. 44–46.

¹³ Ley F. Le Marechal de Munnich et la Russie au XVIIIe siècle. Paris, 1959. P. 4.

ми они действовали, а значит, и логику, которая определяла изобретение раннемодерной школы в России в период с конца XVII века и до восшествия Екатерины II.

ПРИДВОРНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

На кону, таким образом, стоит не только возникновение новой школы, но также рост и развитие институтов раннемодерного государства, его «рационализация» и «бюрократизация» в целом. На протяжении нескольких последних десятилетий историки Европы раннего Нового времени постепенно, но последовательно деконструировали историографическую абстракцию гиперактивной абсолютной монархии, которая якобы целенаправленно занималась построением благоустроенного «регулярного полицейского государства». На смену этой абстракции приходит представление о раннемодерных политических режимах как о продукте «сотрудничества» между монархами и элитами¹⁴. Если раньше предполагалось, что правители той эпохи – в том числе и сам Людовик XIV, на которого все они так или иначе равнялись, – с помощью эффективной, централизованной бюрократии безжалостно подавляли всякое сопротивление со

¹⁴ *Beik W. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. 2005. Vol. 188. № 1. P. 195–224.*

стороны элит, то сегодня историки гораздо больше внимания уделяют политическим компромиссам и согласованию интересов. В частности, в работах по истории Франции подчеркивается ключевая роль аристократических сетей и кланов, которые одновременно и ограничивали произвол монархов, и становились ключевым инструментом, позволявшим им осуществлять управление. Все менее очевидно, существовало ли вообще в этот период что-то, хоть отдаленно напоминающее современный бюрократический аппарат: править и мобилизовывать ресурсы монархи могли прежде всего через придворные группировки и патрон-клиентские сети. Соответственно, политическая динамика в Европе раннего Нового времени определялась не противостоянием правителей-модернизаторов и реакционных элит, а переплетениями частных интересов отдельных семейств и аристократических кланов – и конкуренцией между ними¹⁵. Историки поэтому не только отказываются от представления о тогдашних режимах как об «абсолютных», но и все чаще описывают самих правителей-реформаторов как не слишком «модерных» в смысле их политических представлений, целей и методов действия.

Фокус на домодерных аспектах политических режимов

¹⁵ См., например: *Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York, 1986; *Mettam R. Power and Faction in Louis XIV's France*. New York, 1988; *Campbell P. R. Power and Politics in Old Regime France, 1720–1745*. London, 1996; *Adams J. The Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe*. Ithaca, 2005.

характерен и для новейших работ по истории петровской и послепетровской России. Исследователи подчеркивают важность неформальных связей, личностных механизмов и родственных сетей для политического процесса этой эры в противовес формальным, обезличенным и рационально организованным структурам. В результате выдающиеся правители эпохи выглядят гораздо более ограниченными в своей способности реформировать и «модернизировать», чем мы привыкли о них думать; зачастую кажется, что они с трудом балансировали поверх враждующих аристократических кланов, а то и вовсе становились игрушкой в их руках. С учетом этого великий «петровский водораздел» кажется некоторым историкам не таким уж и непреодолимым, а пресловутое «регулярное» государство, построенное первым императором, – не более чем фасадом, за которым сохранялись традиционные управленческие практики, социальные отношения и культурные модели¹⁶. Даже сам Петр в смысле своих ментальных привычек и интеллектуального горизонта воспринимается скорее как человек московского барокко конца XVII века, чем как рациональный предтеча «просвещенного

¹⁶ См.: *Martin R. E. The Petrine Divide and The Periodization of Early Modern Russian History // Slavic Review. 2010, Summer. Vol. 69. № 2. P. 410–425.* Доводы в пользу понимания петровской эпохи именно как «разрыва» и революции см. в: *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, 1988; Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago, 1997; Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004.*

абсолютизма»¹⁷.

В самом деле, уже несколько десятилетий назад профессор Дэвид Л. Рансел обратил внимание историков на важность аристократических группировок и патрон-клиентских связей в придворной политике и в правительственных конъюнктурах екатерининской эпохи, в формулировании и воплощении в жизнь монаршей воли¹⁸. Изучая роль боярских кланов и дворянских родственных сетей в Московском государстве, историки также подчеркивают преемственность в этом отношении между допетровской и послепетровской политическими системами¹⁹. Относительно недавно в рабо-

¹⁷ Обзор новых трендов в литературе см. в: *Zitser E. A. Post-Soviet Peter: New Histories of The Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005, Spring. Vol. 6. № 2. P. 375–392.*

¹⁸ *Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven, 1975. P. 1–2.*

¹⁹ О роли родственников/клановых связей и сетей см.: *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; Kollmann N. Sh. Kinship and Politics: The Making of The Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987; Kivelson V. A. Autocracy in The Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in The Seventeenth Century. Stanford, 1996; Berelowitch A. La hiérarchie des égaux: La noblesse russe d’Ancien Régime (XVIe – XVIIe siècles). Paris, 2001; Poe M. T. The Russian Elite in The Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of The Russian «Sovereign’s Court», 1613–1713; Krom M. Formen der Patronage im Russland des 16 und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2009. № 57. P. 321–345.* Среди работ, в которых подчеркивается межпоколенческая преемственность внутри элит, можно выделить: *Meehan-Waters B. Autocracy & Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, NJ, 1982; Черников С. В. Рос-**

те П. В. Седова была предложена детальная хроника борьбы придворных фракций последних десятилетий XVII века, а Пол Бушкович в своем новаторском исследовании предположил, что и сам Петр управлял страной, балансируя поверх соперничающих группировок элиты, среди которых преобладали все те же самые боярские кланы, что правили страной и в предшествующем столетии²⁰. Эти исследования «традиционных» аспектов политической истории хорошо сочетаются с работами, подчеркивающими влияние культурных практик XVII столетия на саморепрезентацию Петра как монарха. Даже заявляя о своем радикальном разрыве с прошлым, царь делал это во многом в рамках позднемосковской семиотики²¹. Недавние работы, посвященные государствен-

сыйская элита эпохи реформ Петра Великого: Состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Под ред. А. П. Павлова. СПб., 2007. С. 366–386; Черников С. В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века: к вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // Cahiers du Monde russe. 2009. № 50. С. 699–736; Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века // Cahiers du Monde russe. 2010. № 51. С. 259–280; Черников С. В. Военная элита России 1700–1725 гг.: Меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Под ред. Н. Н. Петрухинцева, Э. Лоренц. М., 2013. С. 45–62.

²⁰ Седов П. М. Закат московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; Bushkovitch P. Peter The Great.

²¹ См.: Zitser E. A. The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at The Court of Peter The Great. Ithaca, NY, 2004 (русский перевод: Зуцер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дво-

ному управлению в начале XVIII века, также показывают, как далеко оно отстояло от идеала рациональной, централизованной и эффективной бюрократии²².

Вопрос, таким образом, состоит в том, как нам объяснить несомненно наблюдаемое в XVIII веке расширение и рационализацию государства, усложнение и повышение эффективности все более инвазивных инструментов сбора информации и регулирования – не теряя при этом из виду и столь же несомненное преобладание «традиционных, персоналистских моделей» в этот период²³. Ответ на этот вопрос, как кажется, предполагает описание самого зарождения институтов раннемодерного государства как раз из того непрерывного соперничества различных неформальных иерархий и сетей, которому справедливо уделяется столь существенное внимание в современной историографии. Характерные для раннемодерного политического процесса неформальность и персонализм должны быть прямо интегрированы в наш нарратив не только как напоминание о господстве «традиционного» на данном этапе, но и как ключевой механизм, способствовавший выработке более современных, «рациональных» и «регулярных» институтов. Это, в свою очередь, предполагает признание субъектности, «агентно-

ре Петра Великого. М., 2008).

²² *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: Западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг. Екатеринбург, 2007.

²³ *Beik W.* Absolutism of Louis XIV. P. 208.

сти» (*agency*) за многочисленными индивидами, действующими на самых разных социальных уровнях – субъектности не только в смысле способности избегать, саботировать или оппортунистически использовать исходящее из центра движение к «модерности», но и в смысле способности самим активно порождать такие изменения посредством целенаправленных, сознательных и стратегических действий²⁴. Наконец, мы должны объяснить, почему институты, которые мы – в ретроспективе – воспринимаем как современные, «рациональные» и «регулярные», были выгодны этим игрокам настолько, что они готовы были прилагать значительные усилия для их создания. Говоря иначе, наше объяснение должно демонстрировать, как именно эти институты возникали в итоге многоуровневой и многовекторной конкуренции между различными игроками, действовавшими каждый в своих собственных интересах.

Именно такой нарратив предлагается в последнее время в целом ряде исследований: Гая Роулэндса об армии Людовика XIV; Джейкоба Скролла о механизмах сбора информации в эпоху Кольбера; Аарона Грэма о роли партийной

²⁴ Мое понимание поведения индивидов, из которого я здесь исхожу, близко к изложенному в работах: *Ermakoff I. Rational Choice May Take Over // Bourdieu and Historical Analysis / Ed. P. Gorski. Durham, NC, 2013. P. 89–106; Ermakoff I. Theory of Practice, Rational Choice and Historical Change // Theory and Society. 2010, August. № 39. P. 527–553. См. также: Aya R. The Third Man; or, Agency in History; or, Rationality in Revolution // History and Theory. 2001, December. Vol. 40. № 4. P. 143–152.*

борьбы и неформальных социальных сетей в институционализации современных бюджетных процедур в Англии начала 1700-х годов; или Андре Уэйкфилда о том, как «изобретатели-предприниматели в сфере государственных финансов», как он их называет, создавали практики «регулярного полицейского государства» в немецких княжествах²⁵. Ярче всего эту парадигму возникновения раннемодерного государства формулирует Гай Роулэндс: в его описании даже траектория колоссального роста французской регулярной армии в эпоху Людовика XIV «определялась не задачами „модернизации“ и „рационализации“, а частными интересами тысяч представителей элит, начиная с самого монарха и заканчивая мелкими провинциальным дворянством и городской буржуазией»²⁶. Возможно, «регулярное полицейское государство», как пишет Уэйкфилд в своем ревизионистском исследовании камерализма, в этом смысле вообще было «всего лишь бумажным тигром», «пустой фантазией»²⁷?

Обращаясь к России XVIII века, уместно вспомнить, что еще Дэвид Л. Рансел предположил, что соперничество меж-

²⁵ Rowlands G. *The Dynastic State and The Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1701*. Cambridge, 2002; Soll J. S. *The Information Master: Jean-Baptiste Colbert's Secret State Intelligence System*. Ann Arbor, 2011; Graham A. *Corruption, Party, and Government in Britain, 1702–1713*. Oxford, 2015; Wakefield A. *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago, 2009. P. 138.

²⁶ Rowlands G. *The Dynastic State*. P. 1, 266.

²⁷ Wakefield A. *Disordered Police State*. P. 16.

ду придворными кликами в екатерининской России не только определяло ход политического процесса, но и прямо способствовало становлению «систематического государственного управления». Хотя «способность государственных деятелей управлять, даже способность реформаторов реформировать зависела от поддержания традиционных иерархий патронажа, через которые и можно было добиваться желаемых результатов», разворачивавшееся за бюрократическим фасадом соперничество между такими патрон-клиентскими сетями «в долгосрочной перспективе играло важную роль в закреплении представлений об эффективности юридических норм». И наоборот, хотя предложения реформаторов могли «утверждать главенство объективных, юридических стандартов по сравнению с личностными соображениями», эти рационально-правовые нормы должны были «служить инструментами в столкновениях между борющимися за власть патрон-клиентскими и клановыми группировками». Например, предложения о создании некоего высшего совета, который бы поставил исполнение монархом своих правительственных функций на регулярную основу, неизбежно исходили от представителей тех придворных кликов, которые в данный момент теряли позиции и стремились таким образом избежать маргинализации. И наоборот, вельможи, пользующиеся полным доверием монарха, никогда не предлагали подобных реформ, поскольку создание такого совета неизбежно ограничило бы их возможность действовать по свое-

му усмотрению²⁸.

Целый ряд работ последних лет, так или иначе, рассматривает эволюцию институтов раннемодерного государства под сходным углом зрения. Е. В. Анисимов напоминает нам, что возникновение допетровских приказов, а затем и ранних петровских правительственных органов на практике принимало форму постепенной институционализации конкретного, частного поручения, данного государем тому или иному сановнику²⁹. Анна Жуковская блестяще реконструировала один эпизод такой трансформации «поручения» в «учрежде-

²⁸ *Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia. P. 7, 134.* Почти одновременно с Ранселом феномен «бюрократической политики» XIX века был «открыт» Альфредом Рибером (*Rieber A. J. Bureaucratic Politics in Imperial Russia // Social Science History. 1978, Summer. Vol. 2. No 4. P. 399–413*) и другими историками, развивающими его идеи. В частности, Питер Холквист продолжает эту линию в своем исследовании Главного управления земледелия и землеустройства в 1900–1920-х годах., однако его интересуют в первую очередь идейное измерение и особая институциональная культура, возникающая в рамках данного ведомства, а не траектория институционального развития как таковая (*Holquist P. «In Accord with State Interests and The People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. 2010, Spring. Vol. 69. № 1. P. 151–179*). Брайан Дж. Бек в своей недавней работе указывает, что поглощение империей территории донских казаков, в результате которого в этот регион и пришли современные представления о территориальных границах и суверенитете, было отражением сложного и постоянно меняющегося баланса сил и интересов между разными царскими сановниками и ведомствами, а также способности самих казаков навязывать царским представителям повестку и концептуальный аппарат и, наоборот, манипулировать навязываемыми им самим из Москвы представлениями (*Boeck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in The Age of Peter The Great. Cambridge, 2009. P. 3, 7, 117*).

²⁹ *Анисимов Е. В. Государственные преобразования. С. 46–47.*

ние» в результате усилий одного из приказных, знаменитого своей предприимчивостью А. А. Курбатова (1663–1721), стремившегося таким образом укрепить свой административный статус и поддержать своих клиентов³⁰. Д. О. Серов в своих ярких очерках «государственной и криминальной деятельности» петровских сподвижников продемонстрировал неразрывную связь их частных интересов и откровенно коррупционных махинаций с процессом строительства империи³¹. Обращаясь к еще более раннему периоду, М. М. Кром подчеркивает, что «перестановки в приказах были продиктованы не стремлением более четко разграничить их функции, а являлись следствием борьбы придворных группировок, отражением возвышения или падения влиятельных бояр»³².

Опираясь на эти идеи, данная монография представляет возникновение институтов раннемодерного государства – в данном случае, школ – в России XVIII века как кумулятивный итог множества нескоординированных между собой от-

³⁰ Жуковская А. В. От поручения к учреждению: А. А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. М., 2009. Т. 13. С. 314–376. Роль индивидуальных иерархов в трансформации православной церкви при Петре и его преемниках недавно была рассмотрена в работе: *Ivanov A. V. Reforming Orthodoxy: Russian Bishops and Their Church, 1721–1801. PhD diss. Yale University, 2012.*

³¹ Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

³² Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 616. См. также: Седов П. М. Закат московского царства. С. 30–33, 31, 42–45, 345–346, 551.

дельных, частных организационных изменений. Изменения эти могли затрагивать самые разные сферы: правила извлечения и распределения ресурсов, доступа в те или иные корпорации, к той или иной информации или центрам принятия решений, способы кодификации отношений между индивидами и организациями. Каждое из этих изменений придумывали и осуществляли конкретные акторы или группы акторов, преследующие собственные интересы; говоря словами Дугласа Норта, «институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»³³. В самом деле, трудно представить, что соратники Петра не задумывались о том, как то или иное изменение или новшество скажется на их личных полномочиях, финансовых интересах, возможности доступа к государю. Каждое такое изменение сулило преимущества одним и потери другим; разработка и реализация этих изменений требовали приложения усилий со стороны конкретных лиц, которые должны были мобилизовать необходимые для этого административные, символические, людские, финансовые и иные ресурсы, а также формировать альянсы. Чтобы любое из этих изменений произошло, его сторонники и по-

³³ North D. C. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. Cambridge, 1990. P. 16.

тенциальные бенефициары должны были инвестировать достаточно ресурсов, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто что-то терял от этого новшества. Именно подобные строители институтов и методы, которыми они действовали, и являются предметом рассмотрения этой книги.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Историческая наука XX века скептически относилась к самой возможности рассмотрения сознательных действий индивидов как движущей силы исторического процесса. Скорее наоборот: вполне понятное неприятие примитивных нарративов, объяснявших ход истории действиями «выдающихся личностей», подталкивало к изучению социальной и культурной запрограммированности индивидуального поведения. Ближе к концу столетия сама возможность сознательного автономного действия, индивидуальной субъектности оказалась под вопросом: размышления о роли акторов в историческом процессе стали уделом почти исключительно социологии и политологии. Разумеется, выходило множество эмпирических работ и биографических исследований, авторы которых так или иначе признавали важность инди-

видуальных судеб и изучали жизненные траектории тех, кто осмысленно совершал значимый стратегический выбор. Не будет, однако, слишком большим преувеличением сказать, что для более теоретически настроенных историков изучение субъектности, «агентности» в истории означало в основном изучение субалтернов³⁴. Применительно к русской истории такой подход предполагал фокус на том, как простые люди (включая и «рядовых представителей элиты»), маргинальные группы, молчаливое большинство пытались избежать «объятий» господствующих структур, будь то государство, церковь или крепостничество, саботировать требования этих структур или вступать с ними в неравные переговоры, выкраивая себе небольшие островки автономии, сколь бы относительной эта автономия ни была³⁵.

³⁴ См.: *Shaw D. G. Recovering The Self: Agency after Deconstruction // Sage Handbook of Historical Theory / Eds. S. Foot, N. Partner. London, 2012. P. 474–494; Cabrera M. A. Postsocial History: An Introduction. Lanham, MD, 2004. P. 1–19; Cabrera M. A. The Crisis of The Social and Post-Social History // The European Legacy: Towards New Paradigms. 2006. Vol. 10. № 6. P. 611–620.* О проблеме субъектности («агентности») в истории см. тематический выпуск «Agency after Postmodernism» журнала *History and Theory* (2001, December. Vol. 40. № 4).

³⁵ О важности биографической перспективы см.: *Norris S. M., Sunderland W. Introduction: Russia's People of Empire // Russian Peoples of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to The Present / Eds. S. M. Norris, W. Sunderland. Bloomington and Indianapolis, 2012. P. 1–17.* В последнее время агентность в контексте России раннего Нового времени весьма плодотворно рассматривалась также сквозь призму «самоизобретения» (*self-fashioning*), то есть целенаправленного конструирования собственного социального и культурного облика в диалоге с заданными извне шаблонами. См.: *Zitser E. A. The Vita of Prince Boris Ivanovich «Korybut»*–

Однако, как указывал историк раннемодерной государственности Ян Глете, «сложные организации не возникают спонтанно». Скорее они обязаны своим появлением «способности человека координировать свои действия с другими и добиваться изменений, то есть сознательно реализовывать определенную стратегию». Для осмысления этого процесса Глете предлагал нам опираться, в том числе, и на теории инноваций и предпринимательства: в конце концов, правители, министры и полководцы той эпохи и в самом деле были зачастую инноваторами – «коронованными прожекторами», как их называет Сэмюэль Джонсон – которым, чтобы выжить в конкурентной среде, приходилось изобретать новые технологии властвования, новые административные процедуры, выстраивать политические альянсы³⁶. Глете выделял организационные, технологические и политические аспекты подобного предпринимательства. По его словам, успешный предприниматель такого рода должен был уметь найти и мотивировать необходимые квалифицированные кадры; мобилизовать ресурсы, достигая для этого соглашения с существующими элитами; вступать в долгосрочные альянсы с индиви-

Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at The Court of Peter The Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2011. Vol. 59. № 2. P. 163–194, и другие материалы в том же номере журнала. О «самоизобретении» в советском контексте см., например: *Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review*. 1998, Winter. Vol. 57. № 4. P. 774–790.

³⁶ *Johnson S. Projectors Injudiciously Censured and Applauded // The Adventurer*. 1753, October 16. P. 99.

дами и группами, которые потенциально могли получить социальные и экономические преимущества благодаря новым институтам. Такое предпринимательство предполагало сознательное изменение тех или иных социальных отношений, манипулирование информационными потоками и попытки придать легитимность своим действиями, убеждая окружающих в необходимости централизованного государства для достижения общественного блага³⁷.

В своих размышлениях о построении раннемоде­рного государства как предпринимательском проекте Глете прямо ссы­лается на идеи Йозефа Шумпетера, сделавшего, как хорошо известно, фигуру предпринимателя ключевым элементом своего экономического анализа. Согласно Шумпетеру, предприниматели выполняют важную экономическую функцию, а именно, реформируют или революционизируют производственный процесс, опираясь на новые технологии, новые источники сырья, новые продукты, новые рыночные ниши, модели организации отрасли и так далее. Для наших целей существенно, что предприниматели – это не просто изобретатели, это люди, которые реализуют изобретения. При этом наиболее ценная, пожалуй, мысль в шумпетеровской теории предпринимательства – это отказ рассматривать появление нового как обусловленное исключительно сдвигами во внешней среде. В его картине мира предпринимате-

³⁷ *Glete J. Warfare, Entrepreneurship, and The Fiscal-Military State // European Warfare, 1350–1750 / Eds. F. Tallett, D. J. B. Trim. Cambridge, 2010. P. 307–316.*

ли порождают изменения изнутри системы благодаря своей способности вырваться за пределы сложившихся шаблонов и действовать по-новому³⁸.

Надо сказать, что концепция предпринимательства все чаще используется в последнее время для объяснения изменений и в институциональном анализе, и в исследованиях государственной политики (*policy studies*). Исследователи стремятся преодолеть перекоп, сложившийся в этих дисциплинах в результате повышенного внимания к устойчивости традиционных форм и к «эффектам колеи», когда изменения понимаются прежде всего как скачки или разрывы, особенно происходящие под влиянием внешних шоков³⁹. И если предшествующие поколения исследователей были склонны делать упор на то, как действия индивидов предопределяются их социализацией, то в последнее время работы в области институциональной теории гораздо охотнее допускают возможность «целенаправленных действий индивидов и организаций, ориентированных на создание, поддержание или разрушение институтов»⁴⁰. Корни этого на-

³⁸ Schumpeter J. A. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. London, 1994. P. 132–133; Cassis Y., Minoglou I. P. *Entrepreneurship in Theory and History: State of The Art and New Perspectives // Entrepreneurship in Theory and History / Eds. Y. Cassis, I. P. Minoglou*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire, 2005. P. 5.

³⁹ Steeck W., Thelen K. *Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies // Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies / Eds. W. Steeck, K. Thelen*. Oxford, 2005. P. 1–7.

⁴⁰ Lawrence T. B., Suddaby R. *Institutions and Institutional Work // Sage Handbook*

правления в литературе восходят, среди прочего, к работам Пола ДиМадджио, полагавшего, что «новые институты возникают тогда, когда организованные акторы, обладающие достаточными ресурсами (институциональные предприниматели), видят в них возможность для реализации важных для себя целей»⁴¹. Отталкиваясь от этого тезиса, все больше авторов рассматривают «политическое предпринимательство» (*policy entrepreneurship*) как источник изменений и инноваций в современных бюрократических системах. В этих работах разбираются факторы, объясняющие появление таких предпринимателей, а также их успехи или провалы, включая их карьерные траектории и используемые ими тактические и стратегические приемы⁴².

Сходным образом все больше работ в области институциональных исследований посвящено тому, как именно происходят изменения в больших организациях. В центре вни-

of Organization Studies / Eds. S. R. Clegg, C. Hardy, T. B. Lawrence, W. R. Nord. 2nd ed. London, 2006. P. 215.

⁴¹ DiMaggio P. Interest and Agency in Institutional Theory // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment / Ed. L. Zucker. Cambridge, 1988. P. 3–22.

⁴² Например: Roberts N. C., King P. J. Policy Entrepreneurs: Their Activity Structure and Function in The Policy Process // Journal of Public Administration Research and Theory. 1991. Vol. 1. № 2. P. 147–175; Mintrom M. Policy Entrepreneurs and School Choice. Washington, DC, 2000; Mintrom M., Norman P. Policy Entrepreneurship and Policy Change // The Policy Studies Journal. 2009. Vol. 37. № 4. P. 649–667; Teodoro M. P. Bureaucratic Ambition: Careers, Motives, and The Innovative Administrator. Baltimore, 2014.

мания их авторов находится парадокс «встроенной агентности» (*embedded agency*): вопрос о том, как же именно агенты изменений или институциональные предприниматели – будь то лидеры бизнеса или другие лица, действующие изнутри фирм и организаций, – представления и способы мышления которых должны, казалось бы, быть заданы существующими институтами, могут тем не менее выходить за пределы этих ограничений и строить новое⁴³. Исследователи вводят понятие «институциональной работы» (*institutional work*), под которой понимаются не только резкие и заметные, но и, вроде бы, самые что ни на есть рутинные изменения, то есть «повседневная корректировка, адаптация и компромиссы, на которые идут акторы в стремлении поддержать институциональный порядок». Институты в этом контексте рассматриваются как «продукты человеческих действий и реакций на действия, обусловленных как совершенно случайны-

⁴³ Например: *Battilana J., Casciaro T.* Change Agents, Networks, and Institutions: A Contingency Theory of Organizational Change // *Academy of Management Journal* 2012, April. Vol. 55. № 2; *Battilana J., Leca B., Boxenbaum E.* How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship // *Academy of Management Annals*. 2009. № 3. P. 65–107; *Battilana J.* Agency and Institutions: The Enabling Role of Individuals' Social Position // *Organization*. 2006. № 13. P. 653–676; *Battilana J., D'Aunno T.* Institutional Work and The Paradox of Embedded Agency // *Institutional Work: Actors and Agency in Institutional Studies of Organizations* / Eds. T. B. Lawrence, R. Suddaby, B. Leca. Cambridge, 2009. P. 31–58; *Battilana J., Leca B.* The Role of Resources in Institutional Entrepreneurship: Insights for an Approach to Strategic Management That Combines Agency and Institution // *Handbook of Research on Strategy and Foresight* / Eds. L. A. Costanzo, R. B. MacKay. Cheltenham, UK, 2009. P. 260–274.

ми личными интересами, так и потребностью в изменении и поддержании институтов»⁴⁴. Исследования институционального предпринимательства часто посвящены поэтому таким темам, как структура соответствующего профессионального поля и положение в ней данного предпринимателя, роль социальных сетей, роль идей в канализировании и легитимации изменений. Сходным образом Джоэль Мокир указывает на роль «культурных предпринимателей», таких как Фрэнсис Бэкон или Исаак Ньютон, в создании новых «эпистемических фокусных точек, на которые люди могут ориентировать свои воззрения». В его описании речь идет об индивидах, которые отказываются принимать существующие эпистемы «как данность и пытаются изменить их – и разумеется, извлекают из этого процесса выгоду для себя. Подобно любым другим предпринимателям, в большинстве случаев они вносят лишь весьма маргинальные изменения в наше культурное меню; однако некоторые выделяются из этого общего ряда и влияют на него существенным и весьма осязаемым образом»⁴⁵.

⁴⁴ *Lawrence T. B., Suddaby R., Leca B.* Introduction: Theorizing and Studying Institutional Work // *Institutional Work: Actors and Agency in Institutional Studies of Organizations* / Eds. T. B. Lawrence, R. Suddaby, B. Leca. Cambridge, 2009. P. 6.

⁴⁵ *Mokyr J.* *A Culture of Growth: The Origins of The Modern Economy.* Princeton, NJ, 2016. P. 59–68. Мокир также перечисляет целый ряд недавних работ, оперирующих такими понятиями, как «моральное предпринимательство», «идеологическое предпринимательство» и «социальное предпринимательство»: *Ibid* P. 59. Для сравнения можно упомянуть работы экономистов, которые используют формальные методы, чтобы моделировать «направляемые лидерами измене-

Принимая эти рассуждения за отправную точку, в данной книге предлагается рассматривать новые организационные формы и институты раннемодерной России – в данном случае, школы – как построенные конкретными индивидами и группами, которые видели для себя выгоду в тех или иных институциональных изменениях и потому мобилизовывали ресурсы (административные, политические, финансовые или какие-то еще), чтобы создавать эти самые новые институты и трансформировать существующие. Действительно, при более внимательном взгляде на конкретные эпизоды институциональных изменений в интересующую нас эпоху, как правило, выясняется, что за ними стоит тот или иной сановник, чиновник или, как бы мы сейчас сказали, «эксперт», который надеялся в результате этих изменений получить больше полномочий, ресурсов, доступа к монарху или возможностей заслужить монаршее благоволение. Чтобы достичь своих целей, эти акторы должны были проявлять *предприимчивость*: им необходимо было выйти за пределы существующих институциональных рамок (как формальных, так

ния в социальных нормах (*leadership-driven changes in social norms*)», или исследователей в области международных отношений, которые призывают рассматривать агентов, сопротивляющихся изменениям глобальных норм, как «нормативных *противопринимателей*» (*norm antipreneurs*), а само сопротивление изменениям (или поддержку их) как ситуационно заданные роли (*Acemoglu D., Jameson M. O. History, Expectations, and Leadership in The Evolution of Social Norms // Review of Economic Studies. 2015. Vol. 82. № 2. P. 423–456; Bloomfield A. Norm Entrepreneurs and Theorizing Resistance to Normative Change // Review of International Studies. 2016. № 42. P. 310–333*).

и неформальных) и своих официальных полномочий и обязанностей, указывая на существование вновь открывшихся проблем, предлагая и реализуя новые решения, привлекая и комбинируя ресурсы новыми способами. Их предпринимательские усилия разворачивались в *административном* поле – и в том смысле, что ожидаемая ими для себя выгода заключалась в том или ином изменении административных структур, и в том смысле, что они полагались на свое положение внутри административного аппарата для того, чтобы и предлагать изменения, и привлекать ресурсы для их реализации. Стремясь повысить или защитить свой административный статус, предприниматели эти использовали, в том числе, и зарождающиеся теории и методы «рационального» и «бюрократического» управления, развивая или рекомбинируя их по мере необходимости. Таким образом, эти акторы выступали в качестве *административных предпринимателей*, или прожектеров. Именно *административное предпринимательство*, или прожектерство, рассматривается в этой книге как ключевая движущая сила процесса формирования раннемодерных государственных институтов.

Если административное предпринимательство играет важную роль в наше гипербюрократизированное время, то на заре раннего Нового времени эта роль была абсолютно ключевой, причем в России, возможно, даже больше, чем в Западной Европе. Как и другие государства той эпохи, российское государство бурно росло, постоянно расширяя сфе-

ру своей деятельности. Если раньше его функции ограничивались в основном ведением войны, сбором налогов и отпращиванием правосудия, то в XVIII веке оно начинает вмешиваться во все новые и новые области экономики и общественной жизни. Образование и здравоохранение, наука и искусства, сельское хозяйство и религия, поддержание дорог и призрение сирот – все это теперь оказывалось вполне легитимным объектом государственного действия, регулирования, «улучшения». Но при этом еще и в начале 1700-х годов даже самые передовые государства Европы обладали лишь весьма рудиментарными бюрократиями, которые к тому же, пользуясь терминологией Макса Вебера, были «патримониальными» по своему устройству. Как показывает Гай Роулэндс на примере администрирования французской армии в эпоху Людовика XIV и Ле Телье, обязанности и сфера компетенции должностных лиц не были четко определены: их полномочия во многом определялись их личными отношениями с вышестоящими лицами и с собственными подчиненными, а управление осуществлялось через сеть их личных клиентов⁴⁶. При этом монарх, поручающий сановнику выполнить ту или иную задачу, редко мог предоставить ему необходимые для этого деньги, кадры и информацию. Это особенно хорошо видно на примере Петра I, который хронически недофинансировал поддержанные им же самим новые инициативы не только потому, что ему вечно не хватало де-

⁴⁶ Rowlands G. The Dynastic State. P. 88–108.

нег, но и потому, что он, похоже, просто не чувствовал себя обязанным своевременно предоставлять своим соратникам ресурсы.

На этом фоне успешные сановники находили способы – часто не вполне легальные – получать требуемые средства и привлекать необходимых специалистов, опираясь на собственных клиентов и творчески перенаправляя финансирование. Более того, раннемодерное государство зачастую росло путем прямого поглощения не только патримониальных структур, но и коммерческих предприятий, начиная с частных военных формирований и коммерческих каналов их снабжения и заканчивая торговыми компаниями, выполнявшими роль территориальных квази-суверенов и строившими для этого соответствующую административную инфраструктуру⁴⁷. Как напоминает в своей недавней работе Дэвид Паррот, «военное предпринимательство» вовсе не было типичной ветвью в развитии современной армии и военной администрации. Наоборот, оно играло в этом процессе ключевую роль, поскольку централизованные государственные вооруженные силы и системы снабжения строились, по сути, путем «национализации» структур, созданных ранее военными предпринимателями⁴⁸. Поэтому многие правитель-

⁴⁷ См. в особенности: *Adams J. The Familial State.*

⁴⁸ *Parrott D. The Business of War: Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, 2012; Parrott D. From Military Enterprise to Standing Armies: State, Society and Military Organization, 1600–1700 // European Warfare, 1350–1750 / Eds. F. Tallett, D. Trim. Cambridge, 2010. P. 74–95.*

ственные органы этой эпохи представляли собой действительно «гибридное пространство», где любые попытки провести четкую границу между «государством» и «обществом» оказываются тщетными. Сюда относятся «частные компании по сбору налогов; частные торговые компании, выполняющие государственные задачи; банки и кредитные рынки, специализирующиеся на государственных ценных бумагах; гильдии, обеспечивающие выполнение установленных государством правил», и так далее⁴⁹.

В этих условиях карьеру можно было сделать именно с помощью административного предпринимательства, изобретая себе должности и эксплуатируя их. Как мы увидим далее, тот, кто уже находился внутри административного поля, внутри «патримониальной бюрократии», был постоянно озабочен расширением или защитой своего весьма нечетко сформулированного мандата и ресурсной базы: именно этот процесс и лежал в основе экспансии и «рационализации» административного аппарата. Вебер отмечает, в частности, что конкуренция за распределение источников дохо-

⁴⁹ *Smith D. K. Structuring Politics in Early Eighteenth-Century France: The Political Innovations of The French Council of Commerce // Journal of Modern History. 2002, September. Vol. 74. № 3. P. 490–537.* Сравни размышления Роулленда об «агентском управлении», описываемом как «промежуточная стадия между отправлением правительственных функций напрямую чиновниками соответствующих департаментов и передачей этих функций на подряд частным исполнителям» (*Rowlands G. Agency Government in Louis XIV's France: The Military Treasurers of The Elite Forces // War, Entrepreneurs, and The State in Europe and The Mediterranean, 1300–1800 / Ed. J. Fynn-Paul. Leiden, 2014. P. 216–217*).

да «давала очень сильный стимул для постепенного разграничения административных юрисдикций»⁵⁰. Для тех же, кто занимал маргинальные позиции в административном поле или вообще находился вне его, задача состояла в том, чтобы найти для себя нишу и «отрегулировать» ее, то есть описать и кодифицировать; и в этом случае также непрерывное движение к более «регулярным» формам административного взаимодействия было во многом результатом соперничества между такими предпринимателями. Создание новых регулирующих документов становится формой экспертного знания, которым можно было торговать, как это показывает Андре Уэйкфилд на примере камералистов. Еще более существенно, что регламенты и бюрократические процедуры становятся технологией власти, помогающей административным предпринимателям очерчивать свою нишу, присваивать полномочия и ресурсы, структурировать свои взаимоотношения с другими игроками. Это особенно заметно в случае наиболее маргинальных персонажей, которые не могли отстаивать свой статус, опираясь лишь на свои (более слабые) социальные связи и личные отношения с монархом, и потому в качестве компенсации пытались формализовать свои позиции в административном поле. Но, как мы увидим далее, подобные регламенты и бюрократические процедуры имели шанс укорениться лишь в том случае, если достаточ-

⁵⁰ Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* / Eds. G. Roth, C. Wittich. Berkley, 1978. Vol. 2. P. 1029.

ное число иных игроков находило их удобными для достижения своих собственных целей.

А что же государь? Речь здесь, конечно, не о том, чтобы отрицать роль Петра, а о том, чтобы рассматривать ее более предметно и на основе источников, выявлять конкретные формы и пределы его влияния в каждом конкретном случае, а также принимать всерьез цели и интересы окружающих его лиц. В этом случае в рамках предлагаемого здесь подхода монарх может выступать в двух ипостасях. Во-первых, государь может действовать в качестве «верховного прожектера», лично мобилизуя время, деньги и людские ресурсы для того или иного проекта. Петр I, конечно, представляет собой особенно яркий пример такого монаршего прожектерства: он собственноручно разрабатывал и реализовывал важные для него проекты – от картографирования Финского залива до строительства конкретных зданий (от собственного дворца до канатных сараев) или ремонта укреплений. В таких случаях он мог производить гипертрофировано детальные инструкции, например, пошагово описывая производство тех или иных инструментов или корабельных снастей. В этом смысле наш фокус на роли административных предпринимателей не означает попытки приуменьшить способность Петра в определенных случаях решительно вмешиваться в происходящее.

Во-вторых, монарх мог задать направление и пределы прожектирования, выражая свои предпочтения и давая по-

нять, проекты какого типа могут рассчитывать на его поддержку. Он мог также расчищать пространство для предпринимательства, ослабляя существующие институты и социальные структуры в той или иной сфере, что, конечно, было тоже очень характерно для Петра. Но способность монарха задавать общий вектор предпринимательства не означает, что он полностью определял содержание соответствующих проектов. Зачастую именно предприниматель, действуя в условиях жесткой конкуренции, должен был артикулировать невысказанную монаршую волю. Как указывает Михаил Долбилов, «единоличная воля монарха уже на ранней стадии „конфигурировалась“ ожиданиями и запросами узкого, но активного круга элиты», а обсуждение государственной политики выливалось в борьбу в среде высшей бюрократии за возможность истолкования этой самой высочайшей воли⁵¹. В итоге мы видим, что многие прожектеры выдвигали и пытались реализовывать инициативы, которые лишь весьма косвенным образом отражали образ мыслей самого государя. Конечно, мало кому удавалось успешно воплощать в жизнь проекты, которые противоречили бы прямо заявленным взглядам монарха, особенно когда речь шла о таких монархах, как Петр I или Людовик XIV. Однако на практике всегда существовали обширные серые зоны, где про-

⁵¹ Об «угадывании» монаршей воли см.: *Долбилов М. Д.* Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. Вып. 9. С. 5–48.

цесс институционального строительства практически не затрагивался какими-то конкретными предпочтениями со стороны правителя. Вообще говоря, большинство ключевых сандовников, включая и самого государя, обычно имели лишь предельно общее представление о том, как мог бы или должен был бы выглядеть тот или иной институт и что конкретно подразумевали те или иные институциональные решения. Эта неопределенность и открывала простор для деятельности административных предпринимателей.

Наконец, наш фокус на конкуренции за ресурсы и полномочия как движущей силе институциональных изменений не подразумевает отрицания роли идей в этом процессе. Ничто из сказанного выше не означает, что административные предприниматели были непременно циничными оппортунистами; более того, противопоставлять прожектеров «подлинным», идейным прогрессистам было бы в корне неверно. Реализация даже самой «прогрессивной» и благонамеренной реформы все равно предполагала перераспределение ресурсов и полномочий, формирование коалиций заинтересованных игроков, а идеологические конструкции и концептуальные шаблоны, в свою очередь, структурировали процесс предпринимательства. В данном случае, именно инструментальная роль этих идей и интересует нас в первую очередь – то, как именно они использовались прожектерами для продвижения собственных интересов, как различные концепции и теоретические конструкции оказывались «сырьем»

для выработки новых предложений, а также придавали легитимность проектам и прожектерам. Общность идейных повесток также способствовала формированию горизонтальных и вертикальных солидарностей: идеи зачастую служили тем «клеем», который помогал поддерживать сети сторонников и соратников, охватывающие иногда всю Европу и включающие влиятельных покровителей. Вместе с тем, стремление реализовать ту или иную идейную повестку – включая и прямо миссионерские устремления – и само по себе было важным мотивом для прожектерства; в этом смысле интересы прожектеров не сводимы только к сугубо материальным соображениям. Мы также видим случаи, когда идейная повестка того или иного прожектера прямо противоречила преобладающим политическим тенденциям – но несмотря на это, даже действуя в рамках петровской и послепетровской самодержавной монархии, эти административные предприниматели все равно находили способы мобилизовать ресурсы для реализации проектов, имеющих мало общего с интересами и предпочтениями государя. Крайне важно поэтому признать это многообразие идейных повесток, не пытаюсь искусственно привести их к единому знаменателю или возвести все инициативы петровского царствования к самому Петру.

Таким образом, мы не можем изучать возникновение раннемодерного государства, не изучая одновременно и административных предпринимателей и их усилия. С одной сто-

роны, нас интересует, как именно набор ресурсов, доступных тому или иному прожектору, определял его предпринимательскую стратегию и тактику. Речь может идти о социальных связях; о доступе к правителю или другим ключевым лицам, принимающим решения; о команде сотрудников-клиентов; о репутации эксперта, придающей легитимность новому проекту; о способности мобилизовать финансовые или административные ресурсы. С другой стороны, нас интересует та конкурентная среда, в которой действовал предприниматель, особенно то влияние, которое его проект мог оказать на интересы (ресурсы, полномочия) других игроков – а также доступные им инструменты защиты своих интересов. Не следует забывать и о других предпринимателях, выступавших в том же поле с альтернативными инициативами. Далее, устойчивость тех или иных организационных изменений зависела от умения прожектора собрать коалицию в поддержку этих изменений и от готовности и желания других игроков использовать новые правила и организационные формы в своих целях. Как мы увидим, в отсутствие «пользователей» – тех, кому новые структуры и регуляторные нормы были бы нужны для защиты и продвижения своих интересов и формализации собственных отношений с другими акторами, – инновации имели мало шансов на успех, даже при условии одобрения их на самом высоком уровне.

«ВЕК ПРОЖЕКТЕРСТВА»

Современники вполне осознавали ключевую роль, которую предприимчивые «прожектеры» играли в изобретении социальных и экономических структур раннего Нового времени: это был «век прожектерства» по всей Европе⁵². Фразу эту, как известно, предложил Даниель Дефо: в своем памфлете 1697 года под названием «Опыт о проектах» он настаивал, что «минувшие столетия никогда не достигали той степени прожектерства и изобретательства касательно дел торговых и способов гражданского благоустройства, какие мы видим в веке нынешнем». Проекты, в описании Дефо, это «схемы», которые «позволяют их автору стремиться преимущественно к своей собственной пользе, но однако же и с добавлением некоторого публичного блага», как то «рас-

⁵² Обзор «эпохи прожектов» см. в: *Novak M. E. The Age of Projects* / Ed. M. E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28; *Graber F. Du faiseur de projet au projet régulier dans les Travaux Publics (XVIIIe – XIXe siècles): Pour une histoire des projets* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2011. Vol. 3. № 58–3. P. 7–33; *Thirsk J. Economic Policy and Projects: The Development of a Consumer Society in Early Modern England*. Oxford, 1978. P. 1–22. Роли прожектеров и прожектерства также уделяется большое внимание в работах по экономической истории и истории экономической мысли Европы раннего Нового времени. Кроме: *Novak M. E. The Age of Projects* и *Graber F. Du faiseur de projet*, см., в первую очередь: *Projektmacher. Zur Produktion von Wissen in der Vorform des Scheiterns* / Ed. M. Krajewski. Berlin, 2004; *Yamamoto K. Taming Capitalism before its Triumph: Public Service, Distrust, and 'Projecting' in Early Modern England*. Oxford, 2018.

пространение торговли, доставление заработка беднякам и обращение и увеличение публичного капитала в королевстве»⁵³. Именно из такого понимания прожектерства и вытекает заметное уже в XVII столетии глубоко двойственное отношение к прожектерам со стороны их современников, где восхищение и интерес сочетались с опасениями и отторжением⁵⁴. С одной стороны, «прожектерство» и «изобретательство» отражали, казалось бы, дух времени, веру в возможность – в необходимость даже! – целенаправленного, рационального улучшения социума⁵⁵. С другой стороны, откровенно корыстные мотивы многих прожектеров вызывали у современников неприятие. Дефо и сам был серийным прожектером: в его послужном списке значились самые разнообразные схемы, от улучшения дорог и исправления законодательства о банкротстве, создания благотворительных обществ и просвещения женщин и солдат до разведение виверр и подъема затонувших сокровищ с помощью водолазного колокола. Собственное увлечение прожектерством не

⁵³ *Defoe D. An Essay upon Projects / Eds. J. D. Kennedy, M. Seidel, M. E. Novak. New York, 1990. P. 7–11, 17.*

⁵⁴ Среди недавних работ на эту тему см.: *Ratcliff J. Art to Cheat The Common-Weale: Inventors, Projectors, and Patentees in English Satire, ca. 1630–1670 // Technology and Culture. 2012. № 53. P. 337–365.*

⁵⁵ *Novak M. E. The Age of Projects; Кром М. М., Пименова Л. А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сб. статей / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 7–16.*

мешало ему, однако, печатно же обличать прожектеров как «хищников», противопоставляя их добропорядочным предпринимателям.

Обычной реакцией на порождаемые волной прожектерства страхи и сомнения были попытки разделить прожектеров на две категории. Для Дефо существовали, с одной стороны, гораздо более многочисленные прожектеры, которые «обращают свои замыслы на разные способы обмана и мошенничества, современные способы грабежа», с помощью которых «честных людей лукавством соблазняют расстаться со своими деньгами». Подобный прожектер есть не более чем «существо презренное». С другой стороны, встречаются – хотя и нечасто – прожектеры, которые посвящают себя «честным изобретениям, основанным на фундаменте острого ума и порядочности»: такое прожектерство надо поощрять, поскольку «новые открытия, касающиеся до коммерции, искусства и секретов производства разнообразных вещей, усовершенствования почв, несомненно приносят не меньше пользы, чем любые открытия в познании природы, совершаемые всеми академиями и королевскими обществами в мире». Сэмюэл Джонсон в своем эссе 1753 года пытается заступаться за прожектеров, «быстрота воображения и широта замыслов [которых] пробуждают такую зависть в других смертных, что всякий глаз высматривает признаки их падения, и всякое сердце радуется их затруднениям». Прожектер склонен увлекаться своими схемами и планами, ко-

которые в итоге могут оказаться нереализуемыми, но это лишь побочный продукт присущих ему смелости, воображения и находчивости – «кипения вместительного ума, переполненного разнообразными сведениями и разгоряченного напряженным размышлением» – именно тех качества, благодаря которым он и оказывается способен к полезным изобретениям. То обстоятельство, что прожектеры часто терпят неудачу в своих замыслах, является лишь обратной стороной их готовности пробовать что-то новое⁵⁶. И тем не менее в своем «Словаре» 1755 года Джонсон должен был признать существование двух определений этого понятия: прожектер – это тот, кто «составляет схемы и замыслы», но также и тот, кто «составляет фантастические неосуществимые схемы», сродни «шарлатанам и законникам»⁵⁷. Даже Адам Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» проводит различие между полезными «предпринимателями» и прожектерами, втягивающими простаков в разные «дорогие и ненадежные проекты, которые приносят банкротство большинству увлекающихся ими людей»⁵⁸.

В России восприятие и роль прожектеров определялись их отношениями не с широкой публикой, а в первую очередь

⁵⁶ Johnson S. Projectors.

⁵⁷ Johnson S. A Dictionary of The English Language. 2 vols. London, 1755; repr.: New York, 1979.

⁵⁸ Pesciarelli E. Smith, Bentham, and The Development of Contrasting Ideas on Entrepreneurship // History of Political Economy. 1989. Vol. 21. № 3. P. 524.

с самим правителем. Разумеется, в самом общем виде традиция подачи подданными государю предложений и просьб по вопросам государственного управления имеет давнюю историю⁵⁹. Именно при Петре I, однако, прожектерство становится заметным и распространенным явлением. Пресловутые «прибыльщики» специализировались на изобретении новых источников доходов для казны, говоря попросту, новых податей; но, кроме этого, они и им подобные деятели разрабатывали множество самых разнообразных реформ, так или иначе копирующих западноевропейские практики. Подобно их коллегам в Западной Европе, «прибыльщики» обычно изображаются в литературе в лучшем случае как наивные и недалекие энтузиасты, увлекающиеся своими грандиозными схемами, но чаще – как сознательные авантюристы, жулики и самозванцы, паразитирующие на искреннем восхищении царя и его приближенных заграничными порядками⁶⁰. И подобно тому, как в Европе Дефо и Смит пытались проводить различие между зловредными махинаторами и общественно-полезными «предпринимателями», так и применительно к России возникает соблазн противопоставить эгоистичных прожектеров, «жужжащих» где-то на периферии политиче-

⁵⁹ Клочков М. В. Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16.

⁶⁰ Характерно пренебрежительное высказывание о «жужжащих» вокруг Петра «прибыльщиках» см. в: Богословский М. М. Значение реформ Петра Великого в истории русского дворянства // Российский XVIII век: Избранные труды. М., 2008. Т. 1. С. 32–33.

ского процесса со своими явно нереалистичными и, возможно, даже вредными затеями, «настоящим» государственным мужам, действующим изнутри правительственного аппарата и выдвигающим не «прожекты», но полезные и обоснованные «реформаторские предложения».

При более внимательном рассмотрении, впрочем, граница между «прожектерством» и легитимной «государственной деятельностью» оказывается крайне условной. Для Н. Н. Павлова-Сильванского, опубликовавшего целый ряд важнейших проектов той эпохи и давшего очерк деятельности некоторых наиболее заметных прожектеров, появление проектов-«доношений» важно постольку, поскольку оно указывает, что Петр «не был так одинок» в своем реформаторстве, что он «опирался на сочувствие общества, на готовность большинства к сближению с западом». Сами прожектеры в его описании – это носители «прогрессивных стремлений», движимые «крайним увлечением западной культурой». Однако проекты представляют для Павлова-Сильванского интерес лишь потому, что они предвосхищают или повторяют реализованные Петром реформы; расхождения же между предложениями прожектеров и последующими действиями царя зачастую трактуются как проявления наивности, непрактичности со стороны излишне увлекающихся авторов⁶¹. Но одновременно из работы Павлова-Сильванского

⁶¹ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897; переизд.: М., 2011. С. 16–17.

видна и невозможность провести четкую грань между «проектерством» и серьезной государственной деятельностью. Для самого Петра не существовало принципиальной разницы между меморандумами того же Федора Салтыкова (более всего среди рассматриваемых Павловым-Сильванским персонажей приближавшегося к чистому типу проектера), написанными с очевидной целью привлечь внимание государя и вернуть себе его расположение, и документами, которые готовились ключевыми сотрудниками царя, в том числе по его прямому указанию: и те, и другие подлежали анализу и рассмотрению, прорабатывались профильными учреждениями, сопоставлялись с альтернативными проектами. Говоря иначе, не видно, чтобы сам царь рассматривал «проектерство» как нечто отличное от «государственной деятельности», а самих проектеров – как особую, низшую разновидность политических игроков.

П. Н. Милюков в своей классической работе пошел гораздо дальше, не только соглашаясь принимать «проекты» и предложения всерьез, но и рассматривая их как ключевые элементы политического процесса петровской эпохи и петровской реформаторской повестки. Историк говорит даже о «стихийно-подготовленной, коллективно-обсужденной реформе», «реформе без реформатора»⁶². Авторы работ последнего времени не готовы следовать за Милюковым в его

⁶² Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 383–384, 542–543.

радикальном отказе признавать за Петром авторство «петровских» реформ, но одновременно не готовы и рассматривать прожектерство как нечто отдельное и внешнее по отношению к «государственной деятельности»⁶³. Роджер Бартлетт в особенности предлагает нам взглянуть на это явление в более широком контексте, отталкиваясь от фразы Сэмюэля Джонсона, описавшего Петра I, Карла XII и других подобных им монархов как «коронованных прожектеров». Петровские преобразования Бартлетт характеризует как один колоссальный «прожект», поскольку они отражали «рационалистическое стремление кодифицировать и переучредить материальный мир», «дух рационального предпринимательства той эпохи» и ее готовность к «неопробованным и визионерским начинаниям». Это же относится и к Екатерине II, и к ключевым министрам середины – второй половины столетия, начиная с Шуваловых и Бецкого и закачивая Потемкиным. При этом, полагает Бартлетт, хотя августейшее прожектер-

⁶³ *Оточкин В. В.* Граф П. И. Шувалов: реформатор или прожектер? // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 78–81; *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды / Сост. С. В. Андрияйнен. М., 2010; *Андрияйнен С. В.* Империя проектов: Государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб., 2011; *Прокопенко Я. И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 323–337; *Ларина [Прокопенко] Я. И.* Осмысление роли образования в государственном строительстве: Проекты Генриха Фика в первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 34–68.

ство было элементом общеевропейской философской и политической культуры того времени с ее «оптимистической верой в механическое планирование и социальное конструирование», в России оно приобретало особые черты: традиции самодержавного правления делали возможным гораздо более прямое вмешательство монарха и ключевых вельмож в самые разные аспекты социальной и экономической жизни – вмешательство, которое в Западной Европе чаще всего было бы невозможным или затруднительным⁶⁴.

ПРОЖЕКТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ, САНОВНИКИ И ЭКСПЕРТЫ

Само по себе слово «проект», или «прожект», появляется в русском языке не позднее 1705 года для обозначения предварительной версии или черновика официального документа⁶⁵. В нашем сегодняшнем словоупотреблении «проект» может обозначать как документ (включая и план действий), так и усилия по реализации такого плана, обычно коллективные, предпринимаемые некоей временной командой. Что-

⁶⁴ *Bartlett R. Projects and Peasants: Russia's Eighteenth Century. London, 2000; Bartlett R. Utopians and Projectors in Eighteenth-Century Russia // Russian Culture and Society and The Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross / Ed. R. Bartlett, L. Hughes. Münster, 2004. P. 98–115.*

⁶⁵ *Биржакова К. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972. С. 389.*

бы избежать путаницы, в тех случаях, когда нам необходимо провести такое различие, мы далее будем стараться использовать термин «проект» именно в этом последнем значении, а для обозначения документа, где излагается план действий или желаемая регуляторная норма, использовать термин «предложения».

Подобные предложения могли принимать в России XVIII века разные формы. Наиболее узнаваемые и характерные для петровского времени предложения, подаваемые пресловутыми «прибыльщиками», были направлены в первую очередь на изобретение новых источников казенных доходов. Самонадеянность этих авторов – зачастую относительно маргинальных фигур, выходцев из социальных низов или иностранцев, – осмеливавшихся лезть со свиным рылом своих идей в калашный ряд государственных дел и высказываться по смехотворно широкому набору вопросов, ожидая к тому же материального вознаграждения за свои непрошенные советы, могла, разумеется, видеться некоторым современникам совершенно неуместной, а сами советы – абсурдными и непрактичными. После смерти Петра эпоха «дворских бурь» 1720-х и политический кризис 1730 года породили целую волну уже прямо политических предложений, затрагивавших такие вопросы, как прерогативы и полномочия самодержавного монарха и служебный статус дворянства; если не авторами, то подписантами этих документов были уже

сотни представителей элиты⁶⁶.

Во второй половине XVIII столетия появляются все более институционализированные формы консультаций с подданными, запрашивания и подачи мнений. Сюда можно отнести и знаменитую екатерининскую уложенную комиссию 1767–1768 годов, и различные конкурсы, организуемые вновь возникающими добровольными ассоциациями, например, Вольным экономическим обществом. Уже к середине столетия предложения оформились во вполне узнаваемый жанр политических текстов со своей конвенциональной структурой, манерой подачи материала и риторикой. Обращаясь к монарху напрямую или через императорского фаворита, авторы предложений стремились привлечь внимание читателя полными драматизма указаниями на опасности, якобы грозящие государственному интересу и общему благу. За этим следовало более или менее структурированное изложение способов отвращения подобных напастей, которое могло быть даже подкреплено ссылками на теоретические работы и анализом предшествующей практики в данной сфере в России и за рубежом, и выливалось в призыв к государю принять некоторые конкретные меры⁶⁷. Важным инструментом обоснования предложений могли быть ссыл-

⁶⁶ Об этом эпизоде см.: *Кирукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; *Кирукин И. В., Плотников А. Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года. События, люди, документы. М., 2010.

⁶⁷ *Андриайнен С. В.* Империя проектов. С. 13–23, 172–193.

ки на Петра, к которому якобы и восходили формулируемые автором идеи; это, конечно, дополнительно способствовало укоренению мифа о первом императоре как первоисточнике любых реформ. Иногда предложения могли содержать текст регламента, который следовало принять, или штат организации, которую следовало учредить. При обсуждении прожекторов и их предложений в историографии основное внимание обычно уделяется именно таким текстам.

Однако ограничиваться рассмотрением лишь таких, формальных и четко артикулированных предложений означало бы искусственно вырывать их из того более широкого контекста политических дискуссий и инициатив, в котором они существовали. Многие из наиболее заметных предложений заведомо создавались как квазилитературные произведения и обладали весьма своеобразной структурой и содержанием. Но, если взглянуть на них в более широком контексте повседневных правительственных практик, то грань между этими очевидно прожекторскими текстами, с одной стороны, и многочисленными рутинными документами – формальными и неформальными письмами, «мемориями», «вопросными пунктами» и так далее – с другой, окажется гораздо менее очевидной. Даже известные своим прожекторством сановники не всегда придерживались жанровых конвенций «проекта» в каждом из многочисленных документов, подготовленных ими на протяжении своей карьеры. Некоторые из их предложений действительно представляли собой разверну-

тые политические сочинения, другие могли принимать форму коротких записок, личных писем или даже устных выступлений в Сенате и других коллективных органах, отразившихся в протоколах заседаний⁶⁸. В данной работе предметом рассмотрения являются любые предложения об институционализации распределения или перераспределения ресурсов – будь то ресурсы финансовые, символические, информационные или иные – и об изменении правил взаимодействия между организациями и индивидами, какую бы конкретную форму эти предложения ни принимали.

Что же касается понятия «проект» или «прожект», то оно обозначает не только сам текст предложения, но и совокупности действий, направленных на его подготовку и реализацию. Фокус на этих практических усилиях (пусть даже неудачных) помогает привлечь внимание к механике изменений и подчеркнуть предпринимательскую природу прожектерства, напомнить, что реализация «прожекта» требовала еще и инвестирования ресурсов и сотрудничества с другими. Даже подготовка текста предложения сама по себе была не таким простым делом, как может показаться: она предполагала умение оценить актуальные интересы и приоритеты лиц, принимающих решения; найти необходимую информацию, в том числе иностранные источники; нанять искусственного переводчика и/или писца для изготовления подносной

⁶⁸ Например, в случае П. И. Шувалова: *Андрийнен С. В.* Империя проектов. С. 11.

версии. Далее требовалось получить доступ к правителю или сановнику; заявить собственный статус как эксперта в данной области; заручиться поддержкой лиц, способных повлиять на мнение правителя; и заблокировать оппонентов. Если предложение получало высочайшее одобрение, предпринимателю надо было найти необходимые финансовые и людские ресурсы, а позднее – продемонстрировать правителю свои достижения.

Предварительно можно выделить три типа административных предпринимателей – в зависимости от их положения в административном поле, от имевшегося у них доступа к ресурсам и к правителю и от их способа действий: это «эксперты», «министры» и «чиновники». Представители всех трех типов появляются на страницах этой книги. Границы между ними, разумеется, весьма условны, а многие прожектеры занимали промежуточное положение или могут быть отнесены к разным категориям в зависимости от обстоятельств. Не менее часто мы видим и представителей этих разных типов, действующих совместно, как эпизодически, так и в составе стабильных «конstellаций», как их называет Джозеф Бен-Дэвид в своем исследовании академической политики во Франции, «вертикальных сочетаний отдельных научных предпринимателей или научных группировок <...> с одной стороны, и отдельных администраторов и политиков, с другой»⁶⁹.

⁶⁹ О «конstellациях» на примере французской академической политики см.:

Наиболее узнаваемый и очевидный тип прожектера – это «эксперт»⁷⁰. Как правило, речь идет о людях, претендовавших на какие-то особые познания или опыт, благодаря которым они, де, особенно подходили на роль создателей новой организации или авторов нового регламента. Претензии эти могли подкрепляться ссылками на знакомство с передовыми практиками других стран, так что эксперты часто были иностранцами или имели опыт проживания за рубежом. Для придания дополнительной легитимности этим ссылкам могли использоваться чины, звания или патенты, полученные за границей, или рекомендации от заграничных авторитетов. Зачастую поступавшие от таких экспертов предложения не отвечали на какие-то конкретные запросы со стороны правителя: наоборот, их авторы претендовали на открытие неких социальных проблем или административных сложностей, которые само правительство еще и не осознало. Подобные предложения часто сопровождались указаниями на готовность автора к решению этой проблемы: например, пред-

Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Chicago, 1984. P. 105. Здесь я хотел бы еще раз отметить огромное влияние, которое оказали на мое понимание академического предпринимательства работы С. Л. Козлова: Козлов С. Л. Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: Как была создана Практическая школа высших исследований // Пермьяковский сборник. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. Н. Мазур. М., 2010. Ч. 2. С. 400–442; Козлов С. Л. Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М., 2020.

⁷⁰ См.: *Ash E. H. Introduction: Expertise and The Early Modern State // Osiris. 2010. Vol. 25. № 1. P. 1–24* и другие материалы в этом номере журнала.

приниматели давали понять, что у них уже есть необходимые кадры для будущей организации или же что они легко могут привлечь такие кадры через свои связи. Разумеется, они иногда ссылались на успешную реализацию аналогичных проектов в прошлом. Такие прожектеры обычно занимали маргинальные позиции, и в социальном, и в административном смысле, причем именно эта маргинальность и подталкивала их к роли эксперта. В свою очередь, это часто означало необходимость найти покровителя, который помог бы им с доступом к ресурсам и к лицам, принимающим решения.

Именно предложения, поступившие от таких экспертов, обычно представляли собой «прожект» в его чистом виде, призыв к созданию новой организации и намек (зачастую весьма прозрачный), что именно автор предложения и мог бы ее возглавить. Прожектер в этом случае буквально изобретал новую государственную функцию и брался ее выполнять. Но нередко – особенно если речь шла о масштабных общегосударственных реформах – практической целью прожектера могла быть не полная реализация его плана, а получение разовой денежной награды или оплачиваемой должности на службе у монарха. Было бы неверно, однако, оставлять такие случаи за скобками и рассматривать только те эпизоды, в результате которых действительно появились новая организация или регламент. Неспособность добиться одобрения данного конкретного предложения необязательно означала, с точки зрения прожектера, полный провал, поскольку

ку отдельные предложения могли быть частью более широкой предпринимательской стратегии. Целью прожектера мог быть уже сам факт представления его предложений влиятельному сановнику или монарху. Даже если они не будут реализованы, подобный шаг позволит привлечь внимание к автору, утвердить его репутацию как эксперта и установить канал коммуникации с лицом, принимающим решение. Все это помогало проложить дорогу для последующих прожектов. В самом деле, для серийных прожектеров подача предложений становится едва ли не частью ритуала: периодически поднося правителю и его министрам такие документы, предприниматель закрепляет свои позиции как эксперта и поддерживает контакт с получателями. В частности, восшествие на престол нового правителя или возвышение нового первого министра дает предпринимателям повод напомнить о себе и своей готовности к разработке предложений. В этом смысле прожектеры похожи на поэтов и художников того времени, для которых представление своих творений в определенные ключевые моменты придворной жизни становится обязательным элементом построения карьеры и репутации⁷¹.

⁷¹ См.: *Biagioli M.* Galileo, Courtier: The Practice of Science in The Culture of Absolutism. Chicago, 1993. P. 37–77. Применительно к России хорошее представление об этом процессе дают работы: *Werrett S.* The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth-Century Russia // *Osiris*. 2010. Vol. 25. № 1. P. 104–126; *Usitalo S. A.* Lomonosov: Patronage and Reputation at The St. Petersburg Academy of Sciences // *Jahrbücher für Geschichte*

Другой весьма распространенный тип административного предпринимателя – это «министр», выступавший патроном и покровителем целого ряда параллельных прожектов. Для министра прожекты представляли собой ключевой инструмент в его отношениях с монархом и с другими вельможами. Во-первых, представление прожекта позволяло ему вступить в коммуникацию с правителем, отвлечь его внимание от своих соперников, представить себя в качестве активного и способного сановника, компетентного в той или иной сфере государственной деятельности – и повлиять на формирование повестки в данной области. Во-вторых, получение монаршего одобрения проекта подразумевало получение награды и повышение придворного статуса автора. Что еще более существенно, изобретая новые государственные функции, министр расширял и собственный административный домен, «регулируя» ранее неосвоенные государством сферы общественной жизни или вторгаясь на административную территорию своих соперников. Например, прожект, касающийся сферы полномочий другого министра, мог привести к перераспределению полномочий в пользу успешного административного предпринимателя или к получению его клиентами должностей в сфере полномочий конкурента. Разумеется, некоторые прожекты были направлены, наоборот, на защи-

ту собственной территории от таких вторжений со стороны соперников. От вельможи, попавшего в фавор, окружающие могли прямо ожидать целой серии прожектов, которые бы использовали вновь открывшиеся перед ним возможности и продемонстрировали его способность добиваться от монарха одобрения своих идей⁷². Министр мог усилить свои позиции, успешно «угадывая» ожидания государя, то есть предлагая прожекты, соответствующие намерениям монарха, не сформулированным еще даже им самим. Это помогало административному предпринимателю получать ресурсы для реализации своего проекта и позволяло надеяться, что его последующие прожекты будут также встречены благожелательно. В других случаях прожекты могли быть направлены на то, чтобы вернуть себе инициативу или реабилитироваться в глазах монарха за какой-то промах. Успешная реализация проекта позволяла сановнику публично продемонстрировать свою эффективность, устроив, например, парад, экскурсию на строительный объект, фейерверк или театральное представление: примером такой презентации могут служить

⁷² О фаворитизме как политическом институте см.: The World of The Favourite / Eds. J. H. Elliott, L. W. B. Brockliss. New Haven, 1999; Scott H. M. The Rise of The First Minister in Eighteenth Century Europe // History and Biography: Essays in Honour of Derek Beales / Eds. D. E. D. Beales, T. C. W. Blanning, D. Cannadine. Cambridge, 1996. P. 21–52. О российском фаворитизме в интересующий нас период см.: *Курюкин И. В.* Бирон. М., 2006. С. 97–109; *Bitter M.* Count Ernst Johann Bühren and The Russian Court of Anna Ioannovna // The Man Behind The Queen: Male Consorts in History / Eds. C. Beem, M. Taylor. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 103–124.

легендарные «потемкинские деревни», представленные Екатерине II во время ее путешествия в Крым в 1787 году⁷³.

В практическом смысле административное предпринимательство в исполнении «министров» могло принимать разные формы. Вельможа вполне мог собственноручно готовить черновики предложений, опираться на профессиональный аппарат помощников или внешних экспертов, или же и вовсе продвигать предложения, разработанные другими. Личный вклад самого министра установить поэтому зачастую непросто: иногда мы находим многочисленные черновые версии предложений, отражающие ход работы сановника с текстом документа, в том числе содержащие его собственноручные правки и дополнения; в других случаях таких правок мы не видим, и документ появляется среди бумаг сановника сразу в окончательной версии. Продвигая тот или иной проект, министр мог представлять его как свой собственный, принимая на себя полную ответственность за его результаты; в других случаях он действовал скорее как посредник или брокер, представляя автора монарху и помогая в получении одобрения и требуемых ресурсов. Разумеется, доступ к правителю являлся ключевым фактором. Не менее важно было иметь в своем непосредственном рас-

⁷³ О знаменитом путешествии Екатерины II в Крым см.: *Griffiths D. M. Catherine II Discovers The Crimea // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2008. Vol. 56. № 3. P. 339–348.* (Русский перевод: *Гриффитс Д. Екатерина открывает Крым // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М: Новое литературное обозрение, 2013. С. 369–385).*

поряжении некоторые ресурсы, например, ведомство с собственным штатом и источниками финансирования, которые можно было бы использовать для быстрого запуска проекта. Неизбежно, административное предпринимательство министра было тесно связано и с поддержанием и расширением им сети собственных клиентов; нередко именно желание клиентов получить новые карьерные возможности становилось движущей пружиной такого предпринимательства. И наоборот, министр едва ли мог надеяться на успешную реализацию проектов, если у него не было надежных и мотивированных клиентов, на которых он мог опереться.

Наконец, третий тип административного предпринимателя можно условно назвать «чиновником» – это клерк или, в нашем случае, учитель или школьный администратор. Предложения таких прожектеров редко принимали форму развернутых трактатов. Вместо этого речь чаще шла о каких-то очень конкретных идеях, в том числе представленных как бы вскользь, ненароком. Толчком для подобного предпринимательства со стороны чиновников часто становились действия других. Например, получив распоряжение от начальника или новый указ из Сената, угрожавшие сокращением его административного домена или делавшие его ответственным за какие-то процессы, контролировать которые он не мог, такой чиновник предлагал четче разграничить сферы полномочий, перераспределить ресурсы, кодифицировать ранее неурегулированные взаимоотношения путем

издания письменной инструкции; чиновник мог запросить от начальства уточнение или сам предложить проект регламента или инструкции. Такой документ помог бы ему в будущем защититься от возможных упреков или расширить свой административный домен – одновременно, разумеется, способствуя процессу дальнейшей «рационализации» и «бюрократизации» данной сферы. Шансы на одобрение таких предложений были гораздо выше, если автор был связан патрон-клиентскими отношениями с вышестоящим сановником; те, у кого таких связей не было, вообще реже выступали в качестве административных предпринимателей. Разумеется, чиновник представлял свои предложения как служащие, прежде всего, интересам патрона, то есть расширяющие сферу его полномочий или защищающие его от политических рисков. В отличие от экспертов, которые всячески подчеркивали свой личный вклад в разработку предложения и, соответственно, свое право на награду в случае его успешной реализации, предприимчивые чиновники могли затушевывать свою роль и свои интересы.

* * *

Эта работа не претендует, конечно, на роль хоть сколько-нибудь полного обзора истории образования в петровской и послепетровской России. Вместо этого здесь разбираются лишь некоторые наиболее заметные эпизоды обра-

зовательного прожектерства первой половины XVIII века, прослеживается организационная эволюция школы в эти десятилетия и иллюстрируются различные типы и стратегии административного предпринимательства. Основное внимание уделяется «микрopolитике» прожектерства – возможно более детальной реконструкции обстоятельств борьбы вокруг конкретных институциональных изменений, помогающей взглянуть изнутри на процесс институционализации школы и на историю появления в России различных форм организации обучения. В индивидуальных главах этой книги делается попытка установить авторство конкретных изменений и понять, как изменения эти отражали интересы соответствующих административных предпринимателей и набор доступных им ресурсов. Новации эти рассматриваются в более широком политическом контексте эпохи, в увязке с интересами других игроков, которые были их бенефициарами и использовали их в собственных целях, тем самым придавая им устойчивость. Еще две важнейшие темы – это роль самого Петра I и потребности «модернизации». В книге очерчивается, насколько возможно, непосредственный личный вклад царя в определение облика образовательных институций, разграничиваются те эпизоды, где этот вклад действительно отражен в источниках, и те, где он традиционно подразумевался, но не находит прямого документального подтверждения. Сходным образом в книге вычленяются, по мере возможности, те конкретные механизмы и каналы,

через которые потребности новой «регулярной» армии действительно могли влиять на развитие школ, и показывается, насколько новые организационные формы в образовании отражали (или не отражали) мнения и запросы практиков военного дела.

Глава 1
**МОНАХИ, МАСТЕРА,
МИССИОНЕРЫ
В ПОЗДНМОСКОВСКИЙ
ПЕРИОД: ОТ УЧИТЕЛЬСТВА
К ШКОЛЕ**

Старинная картина, висящая на стене морского музея в черногорском городе Котор, помогает нам представить, как именно происходило обучение петровских «волонтеров», посланных царем за границу постигать навигацкие науки. Сам учитель Марко Мартинович сидит за столом, его поза исполнена достоинства, суровое лицо обращено скорее к зрителям, чем к студентам. Напротив него расположилась группа молодых московских аристократов: их разноцветные допетровские наряды подчеркивают контраст между ними и их наставником, изображенным в строгом, темном одеянии. Ученики образуют нечто вроде полукруга вокруг Мартиновича; одни сидят в креслах, другие стоят за их спинами. Несколько человек, как кажется, рассматривают металлическую сферу, стоящую на столе, прочие глядят в сторону или болтают друг с другом. Автор картины постарался

передать реакцию «московитских бояр», столкнувшихся со странными и «высокими» науками: ученики выглядят оживленными, их лица и жесты выражают изумление. Впрочем, хотя картина и посвящена событиям, имевшим место в городе Пераст в Которском заливе примерно в 1698 году, создана она была, видимо, где-то около 1711 года в Венеции. Едва ли мы видим на ней, как происходило обучение именно у Мартиновича: скорее всего, неизвестный художник изобразил, как, по его мнению, оно в принципе могло быть устроено в то время⁷⁴.

Во многих отношениях навигация – секулярная, «техническая», основанная на математике, – была главной прикладной дисциплиной раннего Нового времени в Европе, и именно благодаря упору на математику и навигацию в петров-

⁷⁴ О Мартиновиче и его школе см.: *Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in The Age of Peter The Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. G. Garrard. Oxford, 1973. P. 133–136; Княжецкая Е. А. Связи России с Далмацией и Боккой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 46–59; Шмурло Е. Россия и Италия. Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1911. Т. 3. С. 27–40; Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия, 1697–2006 / Под ред. Э. Вагеманса. М., 2008. С. 31–32 (ссылка 53), а также работы, перечисленные в: Там же. С. 149, 153, 179, 181, 202, 218–219, 222, 229, 300, 322. Описание визита в Котор, оставленное одним из «волонтеров», приведено в: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699 / Под ред. Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова. М., 1992. С. 116–117. В надписи на картине перечисляются имена 17 учеников и объясняется, что здесь изображено, как «Марко Мартинович учит поименованных здесь московских князей и бояр морским наукам и управлению [кораблем]».*

ских школах мы воспринимаем их как особенно новаторские и современные. Однако характерно, что собравшийся вокруг Мартиновича кружок осваивающих навигацию учеников мало походит на институционализированную, «регулярную» школу, привычную нам по более поздней эпохе. Да и сам Мартинович не был «учителем»: он был опытным мореходом на венецианской службе и состоятельным судовладельцем. И в самом деле, в тот период было вовсе не очевидно, что будущего моряка – или офицера, или инженера – надо готовить именно в «школе», под руководством «учителя». Привычные нам учебные заведения для подготовки морских офицеров только начинали, путем проб и ошибок, приобретать свой современный облик; ведущие морские державы обзаведутся такими школами лишь во второй половине столетия. В начале же XVIII века подготовка технических специалистов происходила на практике, в форме ученичества под надзором опытных «мастеров». Если говорить именно о мореходном искусстве, то группу молодых людей могли поручить бывалому капитану, который был готов объяснить им теоретические аспекты навигации (возможно, прямо у себя дома), а затем взять с собой в плавание. Насколько мы можем судить, именно так должен был учить своих русских подопечных и Мартинович⁷⁵. Подобные неформальные ме-

⁷⁵ *Okenfuss M. J.* Russian Students in Europe. P. 134–135. О методах подготовки морских офицеров в Европе того времени см.: *Rodger N. A. M.* The Wooden World: An Anatomy of The Georgian Navy. Annapolis, MD, 1986. P. 203–205, 382–394; *Dickinson H. W.* Educating The Royal Navy: Eighteenth- and Nineteenth-

тоды обучения были близки и понятны Петру и его современникам, и именно к этим методам царь обращался, когда хотел, чтобы его подданные усвоили те или иные новые навыки. Нарастающая же институционализация и формализация обучения в Московском государстве и в петровской и послепетровской России была обусловлена не столько какими-то очевидными потребностями службы, сколько усилиями предприимчивых прожектеров, продвигавших свои проекты, а вместе с ними и свою повестку, и свои интересы.

А БЫЛИ ЛИ ШКОЛЫ В МОСКОВИИ?

Споры о времени появления школ в допетровской России не утихают уже более столетия. Отталкиваясь по большей части от одного и того же набора источников, историки приходят по данному вопросу к прямо противоположным, даже взаимоисключающим выводам— если одни находят мно-

Century Education for Officers. Hove, Sussex, UK, 2007. P. 10–21; *Dainville De F.* L'instruction des Gardes de la Marine à Brest en 1692 // *Revue d'histoire des sciences et de leurs applications.* 1956. № 9. P. 323–338; *Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime (1752–1792). Paris, 1991. P. 153–172; *Bruijn J. R.* The Dutch Navy of The Seventeenth and Eighteenth Centuries. Columbia, 1993. P. 96–113. О процессе институционализации профессионального знания в области навигации в целом см.: *Schotte M. E.* A Calculated Course: Creating Transoceanic Navigators, 1580–1800. PhD diss. Princeton University, 2014. О том, как вообще возникали в ту эпоху представления об экспертах и экспертном знании, см.: *Ash E. H.* Introduction; *Long P. O.* Artisan/Practitioners and The Rise of The New Sciences, 1400–1600. Corvallis, 2011.

гочисленные школы уже в первые десятилетия XVII века, а то и раньше, то другие вообще отрицают их существование вплоть до начала петровского царствования⁷⁶. И в самом деле, с одной стороны, у нас имеются неоспоримые свидетельства достаточно массового распространения грамотности и арифметических познаний в допетровской России, даже если в этом отношении она и отставала от ведущих западноевропейских стран. А. И. Соболевский, сто с лишним лет назад первым попытавшийся обсуждать эту проблему с цифрами в руках, полагал, что уровень грамотности среди горожан мужского пола в середине XVII столетия мог достигать 40 процентов и более в крупных городах и 15–20 процентов в прочих; среди дворян и духовного сословия он должен был быть еще выше. Согласно более взвешенным оценкам, однако, общий уровень грамотности среди населения в целом к концу столетия составлял где-то 3–5 процентов, а среди офицеров в полках «нового строя», например, поставить подпись по состоянию на 1670 год могли порядка 55 процентов⁷⁷. При этом для некоторых русских людей учение

⁷⁶ Мое изложение истории образования допетровского периода далее в этой главе следует в ключевых своих моментах точке зрения, изложенной О. Е. Кошелевой: *Kosheleva O. E. Education as a Problem*.

⁷⁷ *Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв.* СПб., 1892; *Carol B. S. Belgorod – Notes on Literacy and Language in The Seventeenth-Century Russian Army // Russian History*. 1980. № 7. P. 113–124; *Булгаков М. В. Грамотность посадских людей г. Ростова Великого в первой половине XVII в. // История и культура Ростовской земли*. 1997. Ростов, 1998. С. 34–39; *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до*

не ограничивалось лишь освоением самых базовых навыков. К концу столетия в Москве вполне можно было встретить мелких подьячих или боярских холопов, владевших латынью (см. случай Ивана Хрипунова, описанный в следующей главе). Очевидно, что все эти люди где-то и как-то учились. С другой стороны, источники почти ничего не говорят нам о том, как именно происходило это учение. Время от времени в документах промелькнет упоминание того или иного учителя, ученика или эпизода учения, но затем и наставник, и его «школа» опять исчезают с наших радаров. Попытки идентифицировать конкретные школы, проследить их эволюцию или найти «первую школу» в начале – середине XVII века оказываются обычно неубедительными и даже спекулятивными.

конца XVII века / Под ред. Э. Д. Днепров. М., 1989. С. 60–65; *Marker G.* Literacy and Literacy Texts in Muscovy: A Reconsideration // *Slavic Review*. 1990. № 49. P. 74–89; *Mironov B.* The Development of Literacy in Russia and The USSR from The Tenth to The Twentieth Centuries // *History of Education Quarterly*. 1991. № 31. P. 229–252; *Witzenrath C.* Literacy and Orality in The Eurasian Frontier: Imperial Culture and Space in Seventeenth-century Siberia and Russia // *The Slavonic and East European Review*. 2009. № 87. P. 53–77. О преподавании арифметики см.: *Кузнецова В. С., Симонов П. А.* «Цифирная счетная мудрость» – первый русский учебник арифметики // *Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепров. М., 1983. С. 94–104; Симонов П. А.* Русская учебная математическая литература конца XVII века // *Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепров. М., 1983. С. 104–111; Brown P. B.* Muscovite Arithmetic in Seventeenth-Century Russian Civilization: Is It Not Time to Discard The «Backwardness» Label // *Russian History*. 2012. № 39. P. 393–459.

Источником затруднений, как кажется, является наша собственная склонность описывать образовательные реалии XVII века с помощью современных нам понятий. Историки зачастую трактуют любое упоминание «учения» как свидетельство существования «школы», пытаются втиснуть те или иные эпизоды «учения» в привычные нам категории «технического», «высшего» или «начального» образования. Но употребление подобных ярлыков следует считать неуместным анахронизмом; более того, даже самим термином «школа» следует пользоваться крайне осторожно. В Московском государстве, несомненно, существовали практики, позволявшие представителям самых разных социальных слоев приобретать не только грамотность и базовые арифметические познания, но и навыки, необходимые для ведения государственного и частного документооборота, работы с церковными книгами, и даже знакомиться с теологией и овладевать классической гуманитарной ученостью. Но как уже довольно давно указала Н. Ф. Демидова в своей работе, посвященной практическому обучению в московских приказах в конце XVII столетия, существовавшие при них формы обучения «могут быть названы [школами] только условно и не соответствуют современному пониманию слова»⁷⁸.

В самом деле, в этих «школах» не было привычных нам

⁷⁸ Демидова Н. Ф. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой / Под ред. Л. А. Тимошиной, И. А. Тихонюк. М., 1994. С. 167.

классов, не было фиксированной программы обучения (мастер учил, «чему сам знает»), не было ежегодного цикла приема-выпуска учеников и, самое главное, не было формализованных алгоритмов взаимодействия между учителем и учениками. Говоря шире, передача знания в допетровской России происходила в контексте прямого, личного общения с наставником, будь то старший родственник, духовный отец или мастер в ремесленной мастерской. Освоение более «высоких» познаний также происходило в формате личного общения с мудрым человеком: взыскующий учения становился своего рода последователем и интеллектуальным подмастерьем выбранного им наставника. Такой наставник периодически вел беседы с небольшим кружком учеников, которые старались усвоить его стиль и метод и при необходимости обращались к нему за разъяснениями. О. Е. Кошелева совершенно справедливо призывает отказаться от попыток вписать эти практики в наши современные представления о школе. Говоря иначе, на протяжении большей части столетия в Москве, несомненно, были ученики и учителя, но все не обязательно были «школы». И вместо того, чтобы искать «школы» в Московском государстве XVII века, гораздо плодотворнее будет сосредоточиться на изучении существовавших там форм «ученичества» и «наставничества»⁷⁹

⁷⁹ *Kosheleva O. E. Education as a Problem; Кошелева О. Е. Обучение в русской средневековой православной традиции // Одиссей. Человек в истории. 2010/2011. М., 2012. С. 47–72.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.